ПЕСНЯ
ВЕЧНЫХ
ДОЖДЕЙ
18+
Э. ДЖ. МЕЛЛОУ

Young Adult. Магия Мусаи. Темное романтическое фэнтези

Э. Дж. Меллоу

Песня вечных дождей

«Эксмо»
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Меллоу Э.

Песня вечных дождей / Э. Меллоу — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Магия Мусаи. Темное романтическое фэнтези)

ISBN 978-5-04-162838-3

Королевство воров – место, которого нет на карте. Король правит там с помощью сил Мусаи: трех дочерей, обладающих магией песен, танцев и музыки. Ларкира – младшая из сестер, но своим голосом она способна убить любого, кто встанет у нее на пути. Король подозревает, что один из герцогов опаивает свой народ магическим эликсиром. Ларкире предстоит отыскать предателя и остановить воцарившийся хаос. Но всему может помешать Дариус – законный наследник этих земель, который преследует собственные цели. Смогут ли Ларкира и Дариус довериться друг другу или каждому из них предстоит начать свою игру? Добро пожаловать в мир Адилора, где лорды и леди могут быть убийцами и ворами, а самые красиво звучащие песни – смертельными! Осмелитесь ли вы их послушать?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-162838-3

© Меллоу Э., 2021
© Эксмо, 2021

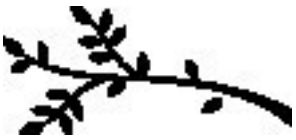
Содержание

Пролог 7
Когда-то намного позже 13
Глава 1 13
Глава 2 23
Глава 3 29
Глава 4 35
Глава 5 42
Глава 6 46
Глава 7 54
Глава 8 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Э. Дж. Меллоу
Песня вечных дождей

© Попова К., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается моей сестре, Келси, певчей птичке, чей смех и улыбка могли бы избавить мир от его демонов.



П*ришла в этот мир последней из трех*
Сквозь дождь, бурю, ненастье.
Песня серены слетела с тех уст.
Дар иль скорее проклятье?

Слышишь певчую птичку?
Ты слышишь певчую птичку?

Сладкоречивая, серебревласая,
Как луна тихая, едва ли опасная.
Но облик сей сплошное лукавство,
Ее отраженье несет лишь коварство.

Слышишь певчую птичку?
Ты слышишь певчую птичку?

Тишина и молчанье очень обманчивы,
Душу вывернет голос вкрадчивый.
Уши прикрой, не подходи
Ибо сразу умрешь, потому беги,

Стоит услышать певчую птичку.
Хоть раз услышать певчую птичку.

Отрывок из песни «Мусаи», которую поет Ачак

Адилор
С
З
В
Ю
Бартер Бэй
(Бухта Обмена)
Эсром
Яману.
Королевство
воров
Шанджари
Море Обаси
Джабари
Священный
остров
Лаклан
Насмешливый
туман
Долина Великанов

Пролог

Три маленькие девочки играли в луже крови. Конечно же, они не осознавали, что это была кровь, как и их няня не знала, что они выскользнули из своих комнат, намереваясь найти путь в подземелья, скрытые под дворцом. С чего бы ей беспокоиться об этом? Эту часть Королевства Воров сковали цепи, место охранялось таким количеством дверей, заклинаний и звероподобных каменных стражей, что самому Королю Воров было бы трудно войти сюда незамеченным. Но, когда дело касалось любопытных детей, подобных препятствий было избежать так же легко, как пролезть через паутину… надо лишь стать достаточно маленьким, чтобы пролететь прямо сквозь нее.

Итак, три девочки нашли свой путь в недра ужаса, не подозревая об угрозах, таящихся в этих стенах, которые со слюнявыми, зубастыми ухмылками выглядывали сквозь щели. Или, если они и знали об этом, никто не чувствовал настолько сильной опасности, чтобы развернуться и уйти.

– Вот. – Ния провела окровавленным пальцем по бледному лицу младшей сестры, рисуя спиральный узор на пухлых щеках ребенка. – Теперь ты можешь говорить.

Ларкира, которой недавно исполнилось три, хихикнула.

– Ну скажи-и-и, – подбодрила Ния. – Можешь сказать хоть слово? Говори-и-и.

– Если бы она могла, уже давно сказала бы, – заявила Арабесса, прижимая испачканные красным ладони к ночной рубашке цвета слоновой кости. Девочка довольно улыбнулась, разглядывая новый рисунок на нижней части своих юбок. Семилетняя Арабесса была самой старшей из троицы, с белой, цвета фарфора, кожей, контрастирующей с волосами, словно чернила стекающими по спине.

– О, как красиво! – Ния держала пухлую маленькую ручку Ларкиры, когда они подошли ближе к Арабессе. – Я следующая.

Найдя еще одну ярко-красного цвета лужу, которая вытекала из-под запертой стальной двери, Арабесса шлепнула руками по неподвижной жидкости. Очертания ее отражения рассеивались, пока она покрывала жидкостью каждый палец.

– Этот цвет подходит к твоим волосам, – сказала Арабесса, рисуя красные цветы на платье Нии.

– Давай раскрасим Ларк, чтобы она походила на меня.

Крайне увлеченные своей игрой, девочки не заметили особое, не скованное цепями существо, которые затаилось в тени коридора и наблюдало за происходящим. Существо более опасное и смертоносное, чем любое из зверей, запертых в проклятых клетках вокруг них, и все же Король Воров позволил ему разгуливать свободно. Вероятно, на случай подобных моментов: присматривать за теми, кто еще не мог сам позаботиться о себе. Потому что, даже если это существо и было создано во тьме, его жизнь всегда соединялась со светом.

– *Малышка довольно упитанная,* – безмолвно сказал брат своей сестре. Легко осуществимый трюк, учитывая, что они были близнецами, разделяющими одно тело, и постоянно боролись за пространство в одном сознании.

– *Она еще ребенок. Все дети такие,* – ответила сестра.

– *Мы такими не были.*

– Потому что мы никогда по-настоящему и не были *детьми.*

– *Что ж, если бы нам выпала такая возможность, гарантирую, никто не посчитал бы нас пухлыми.*

В разных местах близнецов называли по-разному. Но в Адилоре они были известны просто как Ачак – древние, старейшие существа по эту сторону Забвения. Здесь они обосновались в одном на двоих человеческом теле, которое принимало облик то брата, то сестры быстрее, чем разбивающиеся волны. Близнецы были выше обычного смертного, с кожей черной, как самая глубокая часть моря, и фиолетовыми глазами, в которых вращались галактики. Их тело казалось красивым, но, как случалось с большинством прекрасных вещей в Адилоре, это прикосновение могло оказаться роковым.

Услышав радостный вопль, близнецы вновь посмотрели на сестер.

Девочки стояли в центре зала в подземелье, где дорога разделялась на четыре пути, ведущие в бесконечные еще более запутанные коридоры. Место было темным и сырым, и едва хватало света факела, чтобы хоть чуть-чуть осветить проходы. Вот почему юный, радостный смех в такой обстановке мог смутить сильнее, чем мучительные крики запертых здесь существ.

– Умно, Ара. – Ния вскочила на ноги. – Кажется Ларк лучше украсить крапинками. А ты что думаешь? – Она обратилась к своей младшей сестре, которая сидела у их ног и играла с пепельно-белой палкой. – Хочешь выглядеть свирепой, как гепард?

Бах. Бах. Бах. Ларкира ударила палкой по каменному полу, гуля от удовольствия, когда слышала этот звук, ее белокурые локоны мерцали в свете факелов.

– Как красиво, – сказала Арабесса, вырисовывая последний круг возле уха Ларкиры. – Продолжай, Ларк. Ты можешь придумать песню о нашей церемонии рисования.

Словно отвечая на предложение сестры, Ларкира продолжала стучать прутиком, ритм звуков эхом разносился по извилистым коридорам. Похоже только Ачак поняли, что инструмент в руках Ларкиры на самом деле был ребром.

– *Эти девушки очень своеобразные,* – мысленно сказал брат своей сестре

– *Они дочери Джоанны. Своеобразие – лишь начало того, кто они есть.*

Волна печали накрыла грудь Ачак, когда древние подумали о матери девочек, их самой близкой подруге. Но когда кто-то становился таким же старым, как они, подобные эмоции были крайне быстротечными, и меланхолия исчезла так же быстро, как песчинка в песочных часах.

– *Они мне нравятся,* – подумал брат.

– *Как и мне,* – согласилась сестра.

– *Должны ли мы остановить этот гам прежде, чем они разбудят остальных в темнице и придет стражник?*

– *Боюсь, для этого слишком поздно.*

Отвратительный зловонный запах наполнил помещение, делая гниющий аромат тюрьмы еще более ярким.

– Какая гадость. – Арабесса помахала рукой перед носом. – Что за десерт ты стащила после ужина, Ния?

– Это не я. – Ния обиженно вздернула подбородок. – Наверное, Ларкира испачкала подгузник.

Девочки посмотрели вниз на свою улыбающуюся младшую сестру, которая все еще хлопала ребром по полу, прежде чем снова взглянуть друг на друга.

– Кто из птиц последним будет, тот крыло свое погубит! – закричали они в унисон.

– Я первая, – поспешила объявить Ния. – Ты переодеваешь ее.

– Мы сказали одновременно.

– Если под «одновременно» ты имеешь в виду, что я была немного быстрее, чем… – Рев прокатился по пещере, застигнув обеих сестер врасплох. – Что это было? – Ния повернулась, оглядывая множество затемненных залов.

– Что бы это ни было, звук кажется совсем не радостным. – Арабесса присела на корточки перед Ларкирой и погладили руку своей младшей сестры, тем самым пытаясь остановить игру. – Тихо, Ларк. Думаю, время игр закончилось.

В ответ Ларкира подняла на сестер широко раскрытые голубые глаза. Большинство детей ее возраста уже разговаривали, но с тех пор как Ларк закричала при рождении – событие, изменившее их жизни, – впоследствии она редко издавала хотя бы звук. Девочки уже привыкли к безмолвию своей младшей сестры, они знали, что, несмотря на молчание, она многое понимает.

Еще одно рычание, сопровождаемое глухим стуком дюжины тяжелых шагов, эхом донеслось до них; зверь вырвался из тени прохода слева.

Сестры хором ахнули.

Чудовище казалось таким огромным, что, приближаясь, было вынуждено пригнуть голову, его спутанный мех царапал скалистые стены. Могло показаться, что это гигантская, покрытая грязью собака, вот только у существа было столько же глаз, сколько у паука, и гораздо больше лап, чем у собаки.

Толстые волосатые лапы качнулись вперед, и на концах показались щупальца, похожие на щупальца осьминога. Из-за такого сочетания его движения казались лихорадочными взмахами голодных конечностей, и с каждым шагом щупальца присасывались к поверхности коридора, подмечая запахи и ароматы того, что лежало на его пути. И если вдруг что-то оказывалось на пути монстра, он быстро, с хлопком, захватывал препятствие, а затем отправлял в острую, как бритва, пасть и проглатывал.

Скилос лак являлся всего лишь одним из многих мерзких охранников тюрьмы, которые преклоняли колени только перед одним хозяином, и в настоящее время этот хозяин сидел на троне в другой отдаленной части дворца.

– *Стоит ли нам вступиться?* – спросил брат.

Теперь Ачак находились всего в нескольких шагах от девочек, их тело облаком дыма парило между каменной стеной и коридором.

– *Пока нет,* – ответила сестра.

На мгновение существо приняло облик брата.

– *Но, возможно, будущее, к которому применимо это «пока», так и не наступит,* – отметил он.

– *Будущее есть всегда.*

– *Может быть, для нас, но для таких, как они…*

Именно в этот момент зверь, казалось, почувствовал трех маленьких незваных гостей, он издал звук, одновременно похожий на рык и радостное мурлыканье, и ускорился, его щупальца шлепали в едва различимых движениях.

– Какая мерзость, – сказала Ния, когда Арабесса подняла Ларкиру на ноги.

– Да, и он кажется злым. Быстро достань ключ портала.

– Не думаю, что он сработает здесь, внизу, – сказала Ния, не отрывая глаз от приближающегося зверя.

– Зараза. – Арабесса повернулась полукругом. – Сюда!

Сестры побежали по коридору, Ачак последовали за ними, скрываясь в пролетающих мимо тенях, в то время как обитатели камер стонали и кричали, моля о быстрой смерти.

Несмотря на то что дети бежали со всех ног, огромный *скилос лак* был намного быстрее.

Ощущение приближающейся погибели, должно быть, настигло девочек, потому что из фигуры торопливо несущейся вперед Нии начал сочиться оранжевый шлейф, посылающий в воздух искры.

– *Магия,* – подумали Ачак.

– Ара! – закричала Ния, случайно оглянувшись назад, когда капля чего-то влажного, соскользнувшего со щупальца зверя упала ей на ноги.

– Я знаю! Знаю! – Арабесса потянула Ларкиру вперед. Девочка оглянулась, желая получше разглядеть, что там такое гналось за ними, но не заплакала и не закричала. Она просто с любопытством наблюдала за монстром, который преследовал их. – Зараза! – Арабесса снова выругалась, затормозив перед большой стеной из оникса… тупик. – Я думала, мы пришли этим путем.

– Должно быть, все изменилось. – Ния развернулась. – А как насчет наших способностей?

– Да, да! Быстро! – закричала Арабесса, начиная колотить по стенам, звук отражался волнами фиолетовой магии, которая вырывалась из ее кулаков.

– Я не могу заставить свое пламя работать! – прорычала Ния, неистово размахивая руками, когда зверь приблизился.

– *Им еще многому предстоит научиться,* – подумала сестра.

Несомненно, – ответил брат. – *Но для подобных уроков они должны быть живыми. Не считаешь ли ты, что «пока нет» превратилось в «уже пора»?*

– *Так и есть,* – ответила сестра.

Но Ачак едва успели продвинуться вперед, как туннель пронзил резкий звук.

Ларкира выскользнула из-за спин своих сестер, чтобы встать между ними и зверем, посылая единственную будоражащую мир ноту прямо в приближающегося монстра.

Ния и Арабесса прижались друг к другу, прикрывая уши, когда медово-желтые нити магии слетели с крошечных губ Ларкиры, ударяясь о стража.

Скилос лак мучительно взвыл, пятясь назад и ударяясь о решетчатые стены.

Поистине удивительное зрелище представляла собой эта малютка: невинная девочка в белой сорочке, стоящая в темном зале, заставила отступить громадного монстра. Но Ларкира нисколько не сомневалась в своих способностях, и поскольку все та же нота продолжала срываться с ее губ, звуча все выше и выше, даже могущественным Ачак пришлось заткнуть уши.

Звук казался простым, но содержал в себе магический смысл. Он был пронизан отчаянием, утратой и гневом. Квинтэссенция стремительной, мощной, неконтролируемой энергии. Ачак с трудом могли представить себе боль, которую испытывает тот, на кого направлен этот звук.

Но им не пришлось долго размышлять об этом, потому что в следующий миг зал наполнился невообразимым жаром, коридор содрогнулся, а зверь взревел в последний раз; горячая желтая магия Ларкиры поджарила его изнутри. *Скилос лак* взорвался с тошнотворным всплеском, покрыв стены и пол черной кровью и собственными внутренностями. Отрубленное щупальце со шлепком приземлилось перед Нией и Арабессой. Девочки отпрыгнули назад, переводя взгляд с конечности монстра на свою младшую сестру.

Ларкира сжала крошечные руки в кулаки, ее дыхание стало тяжелым и быстрым, когда она уставилась в пространство, где когда-то стоял *скилос лак*.

– Ларкира? – Арабесса осторожно встала. – Это было…

– Невероятно! – Ния перепрыгнула через щупальце, чтобы обнять сестру. – О, я знала, что в тебе есть магия. Я постоянно твердила Аре, что в тебе она тоже есть, правда, Ара?

– Ты ранена, Ларк? – спросила Арабесса, игнорируя Нию.

– Нет, – последовал мелодичный ответ.

Арабесса и Ния одновременно моргнули.

– Ты только что сказала слово? – Ния повернула Ларкиру лицом к себе.

– Да, – ответила та.

– О! – Ния еще раз обняла сестру. – Просто чудесно!

– Да, чудесно… – сказала Арабесса, наблюдая, как кишки скользят со стены на пол. – Может, найдем дорогу домой и отпразднуем уже там?

Пока девочки обсуждали, какой путь приведет их домой, а Ларкира, к нескончаемому восторгу своих сестер, добавляла односложные ответы, они снова не заметили небольшое изменение энергии вдоль дальней стены, где кружили невидимые Ачак.

– *Детям здесь не место.* – Глубокий голос, напитанный тысячью других, заполнил умы древних.

– *Мы знаем, мой король.*

– *Уберите их.* – Приказ Короля Воров сообщал, что его обладатель не потерпит ошибок, в подтверждение этого чернота начала затуманивать зрение Ачак в удушливом предупреждении. Душа близнецов содрогнулась.

– *Да, мой король.*

С того места, где он все еще сидел на своем троне, он казался всего лишь едва заметным видением, но Ачак почувствовали, как энергия короля изменилась, когда он посмотрел на трех девочек, дольше всех задержавшись взглядом на младшей.

– *Ее дар сделает трио совершенным,* – предположили древние.

В ответ мощь короля вскипела.

– *Будем надеяться, что из этого выйдет что-то хорошее.*

Затем, так же тихо и быстро, как его присутствие заполнило разум Ачак, он исчез, вернув тюрьму в прежнее состояние.

Ачак сделали глубокий вдох.

– *Может быть, я?* – спросил брат.

– *Позволь мне,* – сказала сестра, принимая твердую форму и наконец отходя от стены. Теперь Ачак стояла босиком в темно-фиолетовом бархатном платье, ее голова была гладко выбрита, а по рукам змеились изящные серебряные браслеты.

– Кто ты? – спросила Ния, первой заметив Ачак.

– Мы – Ачак, и мы здесь, чтобы проводить вас домой.

– «Мы»? – спросила Арабесса.

– Мы, – ответила Ачак.

Брат быстро овладел фигурой близнецов, расширив украшения и платье сестры, чтобы их размер подходил к его мускулистым рукам, и демонстрируя появившуюся на гладком лице густую бороду.

Девочки удивленно моргнули.

– Вы один и тот же или два разных? – спустя мгновение спросила Арабесса.

– И то и другое.

Арабесса помолчала, обдумывая услышанное, прежде чем добавить:

– Вы пленники, которые теперь сбежали?

– Мой ответ поможет тебе больше доверять нам?

– Нет.

– Тогда не задавай бесполезных вопросов.

– О, а они мне нравятся, – заявила Ния.

– Тише. – Арабесса пристально посмотрела на нее. – Я пытаюсь решить, хуже ли они существа, что только что преследовало нас.

– О, мои дорогие, мы гораздо хуже.

Ния усмехнулась:

– Теперь они мне правда нравятся.

Ларкира выдернула руку из руки Нии.

– Осторожнее, – предупредила Арабесса, когда ребенок приблизился к Ачак, прежде чем остановиться у ног брата.

Казалось, Ларкиру не беспокоила возможная угроза, ее голубые глаза были прикованы к мерцающему платью нового знакомого.

– Красиво, – сказала она, крошечной рукой касаясь роскошного материала.

Ачак удивленно приподнял бровь.

– У тебя хороший вкус, малышка.

– Мое? – Ларкира потянула за ткань.

Ачак удивил их всех смехом, звук был одновременно глубоким и мягким.

– Если ты сделаешь мудрый выбор, моя дорогая, – Ачак наклонился, чтобы поднять девочку, – однажды у тебя появится много красивых вещей, подобных этой.

– А можно и мне? – Ния шагнула вперед. – Мне тоже нравятся красивые вещи.

– Как и мне, – подхватила Арабесса.

Ачак перевел взгляд с одной девочки на другую, все такие разные, но однозначно похожие. Странная троица, рожденная в один и тот же день, но с разницей в два года. Ачак задумался, не связана ли такая причуда с их дарами. Ниточкой, которая связывала их вместе. Ибо их могущество сулило величие. Но в разрушении или спасении? Вопрос оставался открытым.

– *От них будут неприятности,* – подумала сестра.

– *Слава за это потерянным богам,* – молча ответил он.

– Большинство вещей в этом мире вполне доступны, мои милые, – сказал Ачак, поворачиваясь, чтобы положить руку на стену из оникса рядом с ними, Ларкира расположилась у него на бедре. – А те, что нет… нужно только найти дверь, которая приведет вас к другой, за которой, возможно, вы найдете то, что пожелаете. – Пока древний говорил, на черном камне появился большой светящийся круг. Он загорелся ослепительно белым, прежде чем Ачак поднял руку, открывая участок нового туннеля. В конце виднелась крошечная точка света. – А теперь, как насчет того, чтобы отправиться домой?

Девочки дружно кивнули, восхищенные фокусом своих новых друзей. Сдерживая усмешку, Ачак показали им путь, проходя мимо приглушенных стонов заключенных и оставляя в прошлом память о крови, кишках и прочих ужасных вещах. Вместо этого они наполнили головы сестер историями, которые искрились приключениями и обещали таинственные, восхитительные сны. Ачак рассказали им сказку об их будущем, которая началась в тот момент, когда младшая открыла рот и запела.

Когда-то намного позже

Глава 1

Еще до того, как лезвие опустилось, чтобы отсечь ей палец, Ларкира знала, оно было слишком тупым. Крик, словно стрела, пронзил ее горло, прежде чем она изо всех сил сжала его. Ее магия словно капризный ребенок боролась за контроль, царапаясь и брыкаясь в венах девушки.

«Молчать!» – мысленно закричала Ларкира, стиснув зубы, когда палец загудел от жгучей боли, а по руке поднялись волны жара.

Лезвие опустилось снова, на этот раз решительно стукнув, когда прошло сквозь кость, после вонзаясь в деревянную столешницу.

Желчь поднялась к устам Ларкиры. Но и ее она заставила исчезнуть.

Сквозь пелену слез и пота Ларкира уставилась на кончик своего левого безымянного пальца, теперь отделенного от ее руки. Тусклый свет свечи осветил окровавленный обрубок, отрезанный на второй фаланге.

– Конечно, ты храбрая, – сказал владелец ломбарда, снимая кольцо с изумрудом с того, что осталось от безымянного пальца девушки. – Глупая, но храбрая. Большинство сейчас захлебывались бы рыданиями.

Его головорезы ослабили хватку на плечах девушки, пока удерживали ее на месте. Прижимая раненую руку к груди, чувствуя, как теплая темно-красного цвета жидкость пропитывает ее рубашку, Ларкира, проявив невиданную сдержанность, оставалась неподвижной. Она даже не осмеливалась заговорить, потому что боялась, если произнесет хоть звук, комнату украсит не только ее кровь.

Ее магия злилась, жаждала мести. Ларкира чувствовала, что она вот-вот взорвется, нетерпеливая, словно кипящий котел. Чарам хотелось петь с ее губ, переполнять и насыщать все, что попадалось на глаза. «Боль за боль», – требовали они.

Но Ларкира не выпускала магию, совсем не доверяя своей способности контролировать себя. Звуки, изданные Ларкирой, и без того причинили уже слишком много боли.

К тому же она сама навлекла на себя такие страдания. Никто не заставлял ее красть кольцо.

Если уж на то пошло, она выучила сегодняшний урок: в следующий раз, чтобы заложить украшение, надо отправиться подальше. Нижние кварталы Джабари представляли собой плотно сплетенную сеть, и ей следовало бы подумать лучше, прежде чем вести дела так близко к месту преступления. Но откуда Ларкире было знать, что хозяйка кольца окажется женой владельца ломбарда?

И все же от этой ошибки должна была пострадать лишь Ларкира. Ибо она одна была виновата. Конечно, мужчины в комнате понятия не имели, что за человека они искалечили, какие ужасные силы она могла освободить в этой лавке с помощью простого шепота. В конце концов, ее спутники были бездарными душами и не могли почувствовать, как в ней шевелится магия.

– А теперь проваливай, – рявкнул владелец ломбарда, вытирая пятно крови Ларкиры со своего халата. – И пусть это будет напоминанием о том, почему ты не крадешь у таких, как я и моя жена. – Он потряс кольцом жены перед Ларкирой. Зеленый драгоценный камень с издевкой подмигивал в свете свечей.

«Тогда, возможно, тебе следует сказать своей жене, чтобы она не выставляла такие украшения напоказ в нижних кварталах», – мрачно подумала Ларкира, вставая и собирая остатки своей гордости. А сделать это было довольно трудно, учитывая, что головорезы грубо развернули ее и вышвырнули за дверь.

Девушка упала на мокрую улицу. От удара израненную руку словно обдало кипятком, настолько мучительной была боль.

Вечер превратился в ночь, и люди, вместо того чтобы помочь Ларкире встать, переступали через нее, стараясь успеть домой до того, как разные заведения, товары в которых пришлись бы по душе далеко не каждому, откроют свои двери.

Ларкира сделала глубокий вдох, поднимаясь на ноги, ей хотелось закричать в небо. Уступить тому, о чем умоляла ее магия. Но Ларкира не стала бы так поступать.

Она просто не могла.

И не только потому, что наступила середина ее Лиренфаста – время, когда девушка должна справиться со всем, что ей выпадет, без помощи собственной магии, – но и потому, что она не могла снова рисковать, причиняя боль невинным. Потребовались годы практики, чтобы голос Ларкиры вышел за рамки простых магических нот, полных печали и боли, перестав приносить разрушения и превратившись в сложные заклинания. Но в подобном возбужденном состоянии Ларкире было крайне трудно контролировать свои способности.

«О потерянные боги, – в отчаянии подумала Ларкира, пробираясь через нижние кварталы и крепко сжимая поврежденную руку. – Если бы я только могла чувствовать все, что

хочу!» Смеяться, кричать, визжать и выкрикивать имена, не боясь, что магия сплетется со словами.

Глаза Ларкиры защипало от приближающихся слез. Девушка понимала, скоро у нее не останется сил их сдерживать.

Ей нужно было найти место, где можно побыть одной, вдали от всех.

Поэтому Ларкира оставила позади Полуночный рынок и не останавливалась, пока не оказалась на Хаддл-Роу.

Запах потных тел и мочи, смешанный с ароматом маленьких пылающих костров, ударил Ларкире в нос, когда она пробиралась через шатры, стоящие вместе, словно самодельные детские крепости. Здесь обитали не просто бедняки, а люди, пожелавшие, чтобы их забыли. Они держались тени, как Ларкира цеплялась за свою теперь изуродованную руку.

«Отвернись», – словно бы говорили они.

– Голубка, – прохрипела женщина, похожая на кучу лохмотьев с двумя голубыми глазами. – Ты сочишься, как бочонок с вином в день рождения члена Совета. Иди сюда и позволь мне заняться тобой.

Ларкира покачала головой, готовая идти дальше, но затем женщина добавила:

– Если попадет зараза, ты можешь потерять ее целиком.

Ларкира колебалась.

«Одной, – подумала она. – Мне нужно побыть одной».

– Упадет лишь пара песчинок, как ты уже будешь свободна, – настаивала эта кучка одежды. – А теперь иди сюда. Вот так. Поднеси ее к огню, чтобы я могла посмотреть, из-за чего ты так мучаешься.

«Причина моих страданий не только в руке», – подумала Ларкира, пока женщина осматривала ее палец.

– Несомненно, будет жечь, но надо остановить кровотечение. – Женщина взяла плоский кусок металла из своего маленького костра, а затем прижала его к отрубленному пальцу Ларкиры. Девушка проглотила шипение боли, запах собственной горящей плоти наполнил нос, и волна слабости на мгновение одурманила голову. – Вот так вот. Худшее позади, голубка, и ты перенесла все лучше, чем большинство здешних.

«Потому что я переносила и худшее», – подумала Ларкира, чувствуя, как усталость давит ей на плечи.

Тот день определенно был не самым удачным.

– Надеюсь, оно того стоило, – проворчала женщина, принимаясь за работу. – С моим так и было. – Желтые зубы ухмыльнулись Ларкире, когда женщина показала свой отсутствующий мизинец. Рана была старой. Возможно, такой же древней, как и сама старуха. – Самая большая жемчужина, которую я видела в жизни, – вспоминала женщина. – Это ведь и мой камень рождения. – Она протянула руку, как будто все еще могла видеть тот самый драгоценный камень на своем пальце.

Ларкира слабо улыбнулась.

– Кольцо было и правда красивым, – продолжала женщина. – Полагаю, такими же были и мои руки. Красивые вещи не долговечны. Тебе лучше помнить об этом, голубка.

Ларкира кивнула, чувствуя, как спокойствие окутывает ее напряженные мышцы, пока слушала собеседницу, когда та вытирала и перевязывала руку. Вернее, сделала все, что могла, собрав дождевую воду и лоскуты, вырезанные из ее собственной поношенной одежды.

– Вот, как новенький, – сказала женщина, когда Ларкира подняла свой обтянутый тонкой тканью палец.

Несмотря на одолевавшие ее эмоции, Ларкира сдержала рвущиеся на волю эмоции. Она заставила себя подавить свое недавнее разочарование, вспоминая все, чему ее учили в искус-

стве управления своими способностями. «Спокойно», – делая успокаивающие вдохи и выдохи, приказала она своей магии. Ларкира проделала все это, чтобы сказать всего одно слово:

– Спасибо.

Старуха кивнула и снова села в свою кучу. Стоило ей закрыть глаза, как создалось впечатление, что ее там больше нет.

Ларкира направилась в более темную часть Хаддл-Роу. Где очаги тени из точек света костра превратились в более заметные формы. Только полумесяц над головой слабо освещал припавшие к земле у стен тела, бормотавшие свои мысли.

Именно здесь Ларкира нашла пустой переулок, даже лунный свет не осмеливался прокрасться к задней части, заполненной гнилым мусором. Соскользнув на землю и ощутив, как прохладный камень приятно коснулся спины, Ларкира свернулась калачиком вокруг раненой руки.

Наконец-то она осталась одна.

И с этим пониманием Ларкира позволила себе издать едва слышный звук.

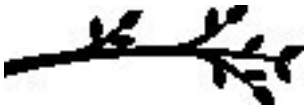
Звук, перешедший в рыдание.

Желтые завитки ее магии беспрепятственно сочились из нее, когда Ларкира плакала, пытаясь дышать. Однако не из-за теперь отсутствующего пальца. В конце концов, у нее все еще было девять других, и она знала, что есть души, которым гораздо хуже, чем ей.

Нет, Ларкира оплакивала каждую невозможность. Все те многочисленные моменты, когда ей приходилось безмолвствовать, оставаясь спокойной, сдержанной и веселой, в то время как она напротив ощущала грусть. Она горевала из-за девятнадцати лет попыток быть хорошей. Или, скорее, лучше, чем уже была. Ларкира плакала, потому что слезы казались безопаснее крика.

И лишь только когда сон овладел ею, она остановилась.

Утром Ларкира нашла крыс. Единственные существа, о которых она не подумала, когда сидела одна в своем переулке. Все их тела оказались изрезаны, словно потоки ее слез были ножами.



Три дня спустя Ларкира обнаружила, что настроение у нее явно улучшилось.

Она вообще редко подолгу пребывала в состоянии меланхолии.

К тому же этот день был особенным. Потому что после месяца такой жизни, ее Лиренфаст закончился! Или закончится, как только она вернется домой.

А еще в этот же день ей исполнялось девятнадцать.

Мысленно напевая мелодию, Ларкира направилась из нижних кварталов к внешним кольцам города. Она шла по узким, переполненным людьми дорожкам, пот стекал по ее шее, а влажный воздух окутывал тело. Лето в Джабари всегда было невыносимым, но Ларкира находила его особенно мучительным здесь, где ранним утром солнце поднималось очень высоко, обжигая красновато-коричневые каменные улицы, на которые едва осмеливался проникнуть ветерок. Когда она завернула за угол, сладкий запах тележек, торгующих квадратиками из воздушного риса, наполнил воздух. То тут, то там слышалось низкое бормотание и хриплый голос жителей, живущих в тесноте и очень близко друг к другу. Как и было задумано, Ларкира хорошо познакомилась с этой частью города. И, несмотря на трудности, с которыми столкнулась, она обнаружила, что будет скучать по всему этому. Нижние кварталы напомнили ей районы другого города, расположенного очень далеко отсюда, который она называла домом.

Осторожно почесав повязку на пальце, пульсирующая боль не отступала, Ларкира продолжила путь в своей поношенной одежде. То, что в начале было простым, но чистым нарядом из туники и брюк, превратилось в мешанину покрытых пятнами тесемок, цепляющихся за более тонкие нити в отчаянной попытке прикрыть не предназначенные для глаз посторонних части ее тела. Не то чтобы там было на что глазеть. По сравнению с двумя своими сестрами Ларкира всегда была худой. «Хрупкая птичка, которая, сколько бы зерна ни склевала, никогда не станет толстой», – как любила говорить Ния.

При мысли о рыжеволосой сестре на губах Ларкиры появилась широкая улыбка.

Впервые с тех пор, как она лишилась пальца.

«Не могу дождаться, когда наконец вернусь домой», – ускоряя шаг, радостно подумала Ларкира.

Так было до тех пор, пока влажная, теплая слизь не коснулась пальцев ее ног. Взглянув вниз, Ларкира обнаружила, что наступила в кучу конского помета.

Несколько секунд она стояла, уставившись на свои разваливающиеся сандалии, теперь покрытые навозом.

А затем начала смеяться.

С магией, зверем дремлющей в животе, звук свободно плыл, неопасный на ветру и напоминающий жужжание колибри. Прохожие смотрели на нее так, словно ее мысли улетали вместе с этим звуком.

Но ничто не могло омрачить счастье Ларкиры в этот день.

– Я иду домой, – сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь и пританцовывая на мягкой куче. *Хлюп. Плюх*. – А когда дойду, отправлюсь сразу в комнату Нии и лягу на ее кровать, прямо под одеяло. Или, еще лучше, перевернусь, чтобы мои ноги оказались у нее на подушке. – При этой мысли у Ларкиры вырвался еще один искрящийся смех, и она продолжила идти.

Разум так кипел от охватившего ее ликования, что она на мгновение забыла, как, должно быть, выглядит и пахнет, а еще о том факте, что на одной из ее рук было четыре пальца вместо пяти.

Ведь она шла домой!

Пересекая небольшой мост, который вел к последнему кольцу нижних кварталов, Ларкира услышала шум и заглянула в переулок.

Группа людей, по внешнему виду очень похожих на нее, окружала мужчину, не похожего ни на одного из них. Его добротно сшитая одежда свидетельствовала о более высоком уровне благосостояния, о чем говорили и натертые воском сапоги, сияющие так же, как и меч в его руке.

Хоть и вооруженный, он, несомненно, был в меньшинстве, а примитивные заточки и шары с железными шипами, лежащие в руках его противников, уж точно не помогали делу.

Обычно те, кто жил в нижних кварталах, учились не обращать внимания на подобные потасовки. Выживание было доступно не только сильным, но и тем, кто держал свой нос подальше от чужих проблем. Но Ларкира не признавала ничего обычного, и, ощутив кольнувший грудь укол сочувствия, при виде загнанного в угол мужчины, она отправилась в переулок.

– Я не хочу драться, – сказал мужчина с акцентом, свидетельствующим о благородном образовании.

– Тогда и не надо. – Один из обитателей улиц, плечи которого были в два раза шире, чем у обычных мужчин, улыбнулся. – Отдай то, что у тебя в сумке…

– И твой меч, – сказал другой.

– И эту красивую накидку, – добавил еще один.

– Сапоги, – заключил последний. – Мне нравятся его блестящие сапоги.

– И тогда мы оставим тебя в покое, – закончил первый.

– Зачем останавливаться на этом? – бросил вызов мужчина. – Почему бы не забрать всю мою одежду?

– Нет, мы не настолько жадные.

Мужчина удивленно поднял бровь.

– Приятно знать, что у вас тоже есть принципы.

Более крупный грабитель угрожающе приблизился, подняв выше клинок.

– Сдается мне, джентльмены, что он смеется над нами.

– Если не он, – вмешалась Ларкира, прислонившись к стене и наблюдая за происходящим, – то определенно я.

– Кто ты? – гаркнул лидер, и вся его команда посмотрела в ее сторону.

– Хочу посоветовать вам оставить этого беднягу в покое.

Великан расхохотался.

– Он совсем не бедный, маленькая растрепа. А теперь иди своей дорогой, и мы обещаем, что в следующий раз не тронем тебя.

– Не могу, – сказала Ларкира, ее магия начала шевелиться в животе.

– Это еще почему?

– Видите ли, сегодня мой день рождения, и мне бы очень хотелось иметь возможность провести его, не видя, как кого-то грабят… или убивают, – добавила она для верности.

– В таком случае я бы провел такой день в постели, а вообще разуй глаза, маленькая растрепа, ведь здесь каждый миг происходит такое.

– Да, – согласилась Ларкира. – Но я все равно хотела бы попробовать. А теперь, как я уже сказала, вам следует уйти.

Послышалось еще больше веселых смешков.

– Пожалуйста, мисс, – сказал попавший в затруднительное положение мужчина. – У меня все под контролем.

– Надолго ли? – усомнилась Ларкира.

Он, казалось, задумался, оценивая своих противников. Те ухмыльнулись и подняли оружие.

Ларкира была не в настроении для драки, но и просто уходить ей тоже не хотелось. Не сейчас. И все же теперь, с одной здоровой рукой…

«Мы, – промурлыкала ее магия. *– Позволь нам сделать все за тебя».*

Ларкира мысленно погладила свои силы, которые беспокойно зашевелились в ее легких, как хозяин, успокаивающий голодного тигра.

«Тихо», – уговаривала она.

Ларкира уже почувствовала, что у этой группы не было даров потерянных богов, что было обычным явлением в Джабари и одной из причин, по которой она решила вмешаться. Ларк хотела помочь, но быстро и не привлекая внимания. И хотя сегодня, в последний день Лиренфаста, ей не следовало пользоваться своими дарами, она решила, что немного магии никому не повредит. По крайней мере, не такой, какой она была теперь: умиротворенной, сдержанной и контролируемой.

Стоило Ларкире принять решение, как силы защекотали ей горло, когда она скомандовала:

– ВПЕРЕД.

Вспышка желтой магии девушки ударила в лица головорезам, оборвав их последний смех.

Ларкира придвинулась ближе, ее голос сочился предупреждением:

– Идите своей дорогой, или вам придется заплатить не только кровью.

Если бы кто-нибудь из прохожих обладал таким Виденьем, каким обладали все существа, наделенные дарами потерянных богов, они бы заметили теплый медовый туман, скользивший

из каждого слова Ларкиры и затуманивающий головы ее жертв. Но ни у кого здесь не было подобных дарований, так что никто ничего не увидел.

Мужчины моргнули остекленевшими глазами, а затем все разом повернулись и ушли.

В переулке стало тихо, пока магия Ларкиры отступала.

– Что ж, – произнес глубокий голос у нее за спиной. – Зрелище было довольно… странным. Но спасибо.

Ларкира обнаружила, что благородный мужчина убирает меч в ножны, задержавшись на ней любопытным взглядом.

Теперь, когда они остались без посторонних, у Ларкиры появилась возможность хорошенько рассмотреть его. Она сразу поняла одно: незнакомец был красив.

Какая досада.

Темно-рыжие волосы сияли в отблеске света, прорезавшем переулок. Свет подчеркивал бледную кожу и темную одежду незнакомца. Его четко очерченные черты светились молодостью, но в зеленых глазах читалось откровенное недоверие. Ларкира задумалась, всегда ли этот молодой человек смотрел подобным взглядом или только в этот момент, из-за того, что именно видел: еще одно дитя улицы рядом с его прекрасными вещами.

– Вы дурак, что пришли сюда в таком виде, – сказала Ларкира.

Мужчина посмотрел вниз.

– Да, возможно, мне следовало сделать другой выбор. Но это самая простая одежда, которую я взял с собой.

– Вы мерцаете, как блестящая медная монета в куче грязи, – усмехнулась Ларкира. – Любой, кто пройдет мимо, захочет схватить вас.

– Именно это вы сейчас и делаете? Нападаете на меня?

Ларкира подняла брови.

– Мне казалось, мои действия показали вам истинное положение вещей. Я спасла вас.

– Да, – задумчиво произнес мужчина. – Вышло очень впечатляюще. Как вам удалось заставить их послушаться?

Ларкира подавила приступ раздражения.

– Вы ведь стоите здесь, все еще с мешком монет, накидкой, мечом и блестящими сапогами. Какая разница, как именно все случилось? А теперь поспешите туда, откуда пришли. Не знаю, захочется ли мне снова спасать вас сегодня.

И с этими словами она направилась к главной улице.

Мужчина последовал за ней.

– В том-то и дело. Я пытался вернуться туда, откуда, как вы выразились, «пришел», но, видите ли, я, кажется… ну…

– Заблудились, – поняла Ларкира.

– Да, – согласился незнакомец.

Она вздохнула, поймав странные взгляды окружающих их людей. Они, без сомнения, предположили, что Ларкира была не прочь облапошить собеседника, раз стояла и разговаривала с таким благовоспитанным и не бедным мужчиной.

– Следуйте за мной, – сказала Ларкира.

– Куда мы направляемся?

– А вы не очень сообразительны, да?

– Так вы проводите меня обратно?

– Я увожу вас отсюда. Где бы ни было ваше «обратно», вам нужно будет найти его, как только мы дойдем до среднего кольца.

– Это я могу.

«Хотелось бы надеяться», – подумала Ларкира, когда они повернули и поплелись по лабиринту, самому нижнему из всех.

Ларкира продолжала скользить взглядом по мужчине рядом. Она отметила, что он был довольно высоким и худым, но не тощим. По-видимому, его сильной стороной была скорость, а не грубая сила.

– Так или иначе, почему вы здесь? – спросила она через мгновение.

Зеленые глаза взглянули на нее.

– Я в Джабари ради дня Эвмара.

Ларкира спрашивала о причине, заставившей его оказаться в нижних кварталах, но, хоть мужчина и понял это, очевидно не хотел, чтобы о его делах здесь стало известно. Ларкира ценила хороший секрет, поэтому закрыла на это глаза.

– Это празднование дня рождения девушки, которая достигла совершеннолетия, – объяснил мужчина, когда они шли по переполненному мосту. – Ей исполнилось девятнадцать…

– Я в курсе, что такое день Эвмара, – прервала его Ларкира. – Кто эта семья?

– Уверен, вы их не знаете.

– И почему вы так в этом уверены?

– Ну… я, то есть…

Ларкира сдержала усмешку, увидев его раскрасневшееся лицо. Несмотря на задержку на пути домой, девушка решила, что ей нравится его странная компания.

– Это Бассетты, – в конце концов признался он.

– А, – сказала Ларкира, ощутив трепет при упоминании этой фамилии. – Семья из Совета. Несомненно, празднество будет грандиозным.

– Да, – ответил мужчина, изучая ее, а затем: – Вы сказали, что сегодня и у вас день рождения?

– Так и есть. – Ларкира усмехнулась.

– Счастливого дня рождения, – произнес незнакомец. – Надеюсь, вы проведете его так, как вам хочется.

– Как только покину вас, уверена, так и будет.

Он улыбнулся в ответ на ее остроту, и какое-то мгновение оборванка и благородный мужчина шли бок о бок с одинаковым выражением лица.

– Вам больно? – спросил он, его взгляд переместился на руку, которую она прижимала к груди. – Ваша рука?

Щеки Ларкиры вспыхнули, когда она поняла, что уже некоторое время сжимала в руках грязные бинты. А после вспомнила, что сама была довольно грязной и, без сомнения, попахивала, учитывая навоз на ее сандалиях.

Она спрятала свою рану, прижав руку к боку.

– И близко не так плохо, как было.

– Что случилось?

– Я решила, что мне не нравятся некоторые пальцы, так что откусила их.

– Нет необходимости лгать, – сказал мужчина.

– Откуда вы знаете, что я лгу? – возразила Ларкира.

– Мы с ложью довольно хорошо знакомы.

Ларкира встретилась с ним взглядом и увидела, как в нем мелькнуло едва заметное разочарование. Однако не по отношению к ней, а к тому, о чем он говорил.

– Вот мы и пришли, – сказала Ларкира, меняя тему. – Теперь вы сможете добраться до места назначения?

Мужчина огляделся по сторонам. Они стояли на рынке среднего кольца. Звуки продавцов, выкрикивающих цены проходящим мимо покупателям, смешивались с соленым запахом уличной еды, жарящейся на открытом огне.

– Да, – ответил мужчина. – Я найду дорогу.

– Хорошо, – кивнула Ларкира.

– Еще раз спасибо, – сказал незнакомец, протягивая руку. – Кажется, я у вас в долгу.

Ларкира уставилась на протянутую ладонь, насколько чистой казалась кожа в сравнении с ее собственной, испачканной грязью. Несмотря на то, что она спасла незнакомцу жизнь, он был очень добр к такому существу, как она. Уличному сброду, ничтожеству по сравнению с такими, как он.

Ларкира робко вложила свою здоровую руку в протянутую ладонь, и, когда спутник пожал ее, на ощупь она оказалась теплой и твердой.

– Кстати, меня зовут Дариус, – сказал он. – Дариус Мекенна из Лаклана.

– Было интересно познакомиться с вами, Дариус Мекенна из Лаклана, – сказала Ларкира, прежде чем отвернуться.

– Подождите, – позвал мужчина.

Ларкира обернулась через плечо.

– Я мог бы вернуть часть долга прямо сейчас, – предложил Дариус. – Вы голодны?

С одной стороны, Ларкира очень хотела сказать «да», потому что, по правде говоря, она давно ничего не ела. Кроме того, ее любопытство росло, и ей хотелось узнать больше об этом мужчине, чья улыбка вызывала легкость в ее груди. Но увы…

– Боюсь, нет, – сказала она. – Придется отплатить мне в другой раз.

Дариус нахмурился:

– Но что, если мы больше никогда не увидимся?

В ответ на эти слова Ларкира улыбнулась.

– Потерянные боги иногда творят удивительные вещи, – начала она. – Кто знает, может, мы еще встретимся.

А затем она двинулась дальше, сливаясь с толпой и стараясь не оглядываться.

Вскоре она оказалась в самой богатой части города, на центральном кольце, где ее внешность выделялась так же, как гнойный порез на темной коже. В то время как во всем Джабари имелись свои очаги красоты, здесь, на самой высокой точке, здания буквально сверкали золотом, резьбой по слоновой кости и серебром.

Именно здесь Ларкира осознала, что восхищается городом, в котором родилась. Столь же высокий, сколь и широкий, и столь же глубокий, сколь и узкий, эпицентр Джабари поднимался от прибрежной кромки над вершиной горы, а мастерски вытянутая архитектура словно искала потерянных богов в облаках.

У Ларкиры потеплело на сердце, когда она остановилась, чтобы окинуть взглядом огромное количество зданий, раскинувшихся внизу.

Хотя потерянные боги покинули Адилор много поколений назад, следы их магии все еще оставались в некоторых районах, на далеких островах и в городах, покрытых густыми зарослями. Джабари считался местом, лишенным их магических даров, но все же обладал не меньшим великолепием. И все еще существовали сказки, которые родители нежно шептали перед сном своим детям. Те с наивными, широко раскрытыми глазами слушали рассказы о том, что среди обитателей этого города по-прежнему можно было найти немногих благословенных. Обычно они прятались на виду. «Как и я», – подумала Ларкира.

Подойдя к большому поместью, возвышавшемуся в конце улицы, Ларкира остановилась у окружавших его ворот. Она любовалась зданием с большими витыми колоннами высотой в несколько этажей, которые образовывали целых три секции. Красивые окна с рамами выступали вперед, и, хотя со стороны его не было видно, Ларкира знала, посередине расположен огромный зал со стеклянным куполом. Экзотические фиолетовые, красные и синие цветы росли вдоль каменной дорожки, ведущей к входной двери.

Ларкира сделала глубокий вдох, наслаждаясь насыщенным ароматом. Она знала, что вход для слуг располагался сбоку, маленькая тропинка, по которой можно было пройти незамеченной. С быстрым свистом, слетевшим с ее губ, запертые ворота со щелчком открылись. Шагнув

внутрь, Ларкира не стала поворачивать налево, в заднюю часть здания, а вместо этого прошла сквозь невидимую завесу магии – слой воздуха, который коснулся ее кожи и, обнаружив своего, позволил ей пройти. Ларкира устремилась прямо по парадной дорожке и остановилась перед золотой дверью, украшенной искусной резьбой.

Потянув за веревку и позвонив в звонок, Ларкира изучила историю, искусно вылепленную на поверхности, историю трех девочек и их магических даров.

Фигуры были вырезаны так, словно оказались в ловушке между двумя мирами. Нога каждой из них была направлена в сторону солнца, в то время как другая исчезала за плоской поверхностью, невидимая за ее пределами. Ларкира посмотрела выше, и ее взгляд остановился на женщине в развевающихся одеждах. Изысканно одетая дама сидела рядом с крупным бородатым мужчиной, его внимание оставалось прикованным исключительно к ней, в то время как женщина с улыбкой наблюдала за их детьми. Горло Ларкиры сжалось, когда она взглянула в пустые глаза женщины, на улыбку, так похожую на ее собственную. Ощутив грусть, девушка резко отвернулась, и тяжелая дверь тотчас же открылась.

Тощий мужчина с лицом, напоминающим мордочку попугая, одетый в униформу дворецкого, уставился на Ларкиру. Он и глазом не моргнул при ее появлении, не отшатнулся и не выказал никаких признаков шока, обнаружив на пороге дома раненую беспризорницу из Джабари. Лишь склонил голову в знак приветствия и отступил в сторону.

– Леди Бассетт, добро пожаловать домой.

Глава 2

Легкие Ларкиры сдавило. Достаточно трудно чувствовать себя комфортно, когда бегаешь в корсете. Большую часть месяца Ларкира провела практически в халате, и теперь ей было довольно тесно в этой превосходно пошитой одежде.

Не то чтобы она не могла приспособиться. Если и было что-то, в чем Бассетты преуспевали, так это в адаптации.

Еще один крик пронесся по южному крылу, на этот раз гораздо ближе, и Ларкира спешно подобрала юбки. Морщась от боли в раненом пальце, она, не оглядываясь, побежала быстрее.

Тяжело дыша, Ларкира вбежала в оружейную комнату и закрыла массивные двери, а затем прислонилась к ним, настороженно ожидая, когда же раздастся топот приближающихся шагов.

– Рано или поздно она проверит и здесь, – сказала Арабесса, стоявшая на расстоянии от цели. Сестра бросила два метательных ножа, они летели настолько быстро, что их очертания вдруг стали размытыми, а затем оружие воткнулось в центр мишени.

На какое-то мгновения чары Ларкиры беспокойно закружились у нее в горле, прежде чем она проглотила их.

– Да, – согласилась она, голубые юбки зашуршали, когда она подошла к сестре. – Но, надеюсь, к тому времени прогулка немного усмерит ее пыл.

– Скорее наоборот, необходимость блуждать ради мести лишь еще больше распалит ее.

– Зараза. – Ларкира бросила взгляд на закрытую дверь. – Я не подумала об этом.

– Как обычно, дорогая, – сказала Арабесса, беря новые кинжалы, которые Шарлотта, их горничная, держала для нее.

Оружейная комната была большим помещением с высокими потолками, в котором пахло деревом. Стоило Ларкире ощутить резкий запах металла, как воспоминания заполнили ее разум. Она вспоминала, как болели мышцы, а с кожи капал пот во время долгих ночных тренировок в этом помещении.

– Спасибо, Шарлотта, – сказала Арабесса, пристегивая ножи к поясу вокруг талии. – Можешь сбежать сейчас, пока не началась буря.

– От вас, девочки, я повидала всякое, – сказала Шарлотта, криво улыбнувшись в ответ.

Их горничная была миниатюрной женщиной с испещренными венами руками, и, хоть на вид казалась хрупкой, Ларкира знала, если Шарлотту спровоцировать, она могла поставить на колени даже самого крупного из мужчин. Качество, в наличии которого, без сомнения, удостоверился их отец, прежде чем нанять ее присматривать за тремя своими дочерями. На самом деле, все слуги Бассеттов обладали широким спектром талантов, которые, как сказали бы некоторые, выходили за рамки обычных обязанностей. Каждый из них родился с тем или иным видом даров потерянных богов и мог свободно использовать свою магию в этих стенах. Из-за этого Ларкире казалось, что их дом был чем-то вроде святилища, местом, где ни у кого не было необходимости скрывать, кто они такие, – редкость для Джабари. Ибо придание гласности своей силы часто означало жизнь, полную гонений и частых переездов из-за предполагаемой угрозы обладания слишком большой властью. Так что условия, созданные в доме Бассеттов, способствовали неизменной преданности со стороны слуг.

Волна тепла согрела сердце Ларкиры, когда она посмотрела на маленькую женщину рядом с сестрой. Именно Шарлотта научила маленьких девочек тому, что самым преданным станет тот, чьи секреты ты хранишь как свои собственные.

– Может, и так, – сказала Арабесса. – Но, учитывая, что Ларк целый месяц придумывала какую-то нелепость, которую сейчас и осуществила, нам, сестрам, лучше разобраться с этим самостоятельно, по-своему.

Ларкира наблюдала, как Арабесса покружила метательный нож между пальцами.

– А может, тебе стоит остаться, Шарлотта, – начала она. – Мне не помешает свидетель.

Пожилая дама лишь цокнула языком, молча отказываясь от предложения, и, взмахнув рукой, поправила кинжал с изогнутым клинком на дальней стене, а после удалилась.

– А ты привела себя в порядок, – сказала Арабесса, подходя к витрине с тонкими рапирами для фехтования. – Худее, чего, конечно, следовало ожидать, и, как вижу, не без повреждений.

Раненый палец Ларкиры запульсировал сильнее, будто был уязвлен остротой сестры так же, как и она сама.

– Не всем же быть такими идеальными, как ты, – парировала Ларкира.

– Верно, – задумчиво произнесла Арабесса, выбирая мечи со стойки. – Но хорошо, что ты наконец можешь признать это. – Арабесса бросила одну из рапир Ларкире, и та поймала рукоятку еще в воздухе. – Держи ее в левой руке, – проинструктировала сестра.

Прищурившись, Ларкира поменяла руку, ощутив при этом неловкость. Но стиснула зубы от боли, согнув частично отсутствующий палец, чтобы выставить его напоказ. Как бы говоря: «да, я все еще могу держать меч так же хорошо, как и ты, несмотря на меньшее количество пальцев».

– Я не одета для состязания, – объяснила Ларкира.

– Мы должны практиковаться во всех видах одежды, – сказала Арабесса, указывая на свое темно-фиолетовое платье с высоким воротником, ее черные как смоль косы были туго стянуты в аккуратный замысловатый пучок. – Теперь, если ты закончила придумывать отговорки… – Арабесса сделала выпад в сторону Ларкиры, ее движения были целеустремленными и плавными, словно сам воздух помогал ей, направляя каждый следующий удар. Эта врожденная грация, конечно, являлась следствием ее музыкального дара – способностью Арабессы мастерски играть на любом инструменте, созданном человеком или существом. И всякий раз, находясь рядом, Ларкира испытывала еле заметное раздражение. По сравнению с сестрой она чувствовала себя неумелым ребенком.

В ответ на атаку сестры Ларкира неуклюже отступила на шаг назад.

Магия недовольно перевернулась в ее животе, заставляя девушку крепче схватить рукоять, чтобы с помощью мизинца и указательного пальца сделать широкий замах.

Арабесса преградила ей путь, сделав ложный выпад вперед, прежде чем отступить назад.

Когда клинок Арабессы звякнул о клинок Ларкиры, вибрация прошла до самой ладони младшей сестры, побуждая девушку ослабить хватку. Но Ларкира расправила плечи и продолжила сражение, желая, чтобы другие ее пальцы могли выполнить большую часть работы. Девушки закружились по кругу, Ларкира отвечала на каждое наступление сестры своим собственным. Теперь, чтобы приспособиться к отсутствию одного из пальцев, ей предстояло повторно учиться некоторым вещам.

– Ты и правда знаешь, как поприветствовать возвращение сестры, – сказала Ларкира. – Я тоже скучала по тебе.

Арабесса усмехнулась, прежде чем собственным оружием быстро нарисовала в воздухе *X* и одним движением вырвала рапиру из рук Ларкиры. Орудие с грохотом упало на землю рядом с девушками.

– Ты не так плоха, как я думала, – заметила Арабесса.

– Спасибо? – Сквозь повязку Ларкира помассировала нежную кожу поврежденного пальца, пульсирующая боль никак не отступала.

– Разумеется, тебе нужно будет больше практиковаться, – пояснила Арабесса.

– Само собой, – сухо ответила Ларкира.

– А теперь иди сюда. – Арабесса раскинула руки, заключая Ларкиру в объятия. – Добро пожаловать домой, маленькая птичка.

Хоть и самая младшая, Ларкира была такого же роста, как Арабесса, и, положив подбородок на плечо сестры, вдохнула запах роз и ванили, составляющие неподражаемого аромата, присущего лишь Арабессе.

– И с днем рождения, – прошептала старшая сестра.

– Спасибо. – Ларкира отступила и улыбнулась. – И тебя тоже с днем рождения.

Арабесса равнодушно отмахнулась.

– Двадцать три не повод для праздника. А вот девятнадцать. – Она расплылась в улыбке. – Не могу поверить, что сегодня твой день Эвмара! Кажется, только вчера тебе исполнилось двенадцать. Дома уже несколько недель планируют сегодняшнюю вечеринку.

Хотя сестры отмечали день рождения в один и тот же день, отец постановил, что каждая дочь получала свое собственное празднование дня Эвмара, тем самым объявляя о своем совершеннолетии.

– Да, стоило мне войти в дом, как повар практически повалил меня на землю, требуя попробовать кое-что из меню, – сказала Ларкира. – Но должна признать, что я больше взволнована празднованиями, которые состоятся после церемонии.

– Согласна. – Арабесса кивнула. – Но хватит о том, что еще не произошло. Расскажи мне все, особенно, как ты стала обладательницей подобной красоты. – Она подняла раненую руку Ларкиры.

Ларкира быстро поведала Арабессе историю об изумрудном кольце и жене владельца ломбарда.

– Удивительно, как это он не забрал всю руку целиком, – заявила Арабесса.

– Тогда наказание не соответствовало бы преступлению.

– В нижних кварталах едва ли переживают об этом.

– Верно, – задумчиво произнесла Ларкира. – Но я не собираюсь возвращаться к владельцу ломбарда и предлагать исправить оплошность. Я и без того едва сдерживалась, пока он отрубал мне палец. Даже не пискнула, потому что боялась, как бы не разорвать его на куски.

Взгляд Арабессы смягчился.

– Да, я понимаю. Но помни, чтобы ценить то, что у нас есть, и помнить, почему делаем то, что делаем, мы должны познать иную жизнь. Важно проявлять сдержанность в использовании наших даров, потому что большинству из людей не повезло так, как повезло нам.

Каждая из ее сестер прошла через свои собственные Лиренфасты за месяц до своего дня Эвмара. Через такого рода испытание не проходила ни одна знатная семья, и никто не знал, что Бассетты практикуют подобное, но на то у них были свои причины. Как и всегда.

– Ты говоришь как отец, – хмыкнула Ларкира.

– Лучший из комплиментов, – ответила Арабесса. – Кстати говоря, ты с ним разговаривала?

В животе Ларкиры что-то затрепетало.

– Нет, он еще не позвал меня.

– Скоро позовет.

Позади них распахнулась дверь.

Сокрушительная красота девушки, ворвавшейся в комнату, напоминала разбивавшиеся на закате волны. И хотя она была невысокой, недостаток роста компенсировали изгибы и покачивания бедер, когда с каждым сделанным шагом ее нежно-персикового цвета платье приподнималось, словно бурлящая пена. Нравилось девушке это или нет, ее настроение всегда читалось в ее движениях – эффект ее дара гипнотического танца.

– Дорогая сестра, – поприветствовала Ния, останавливаясь перед сестрами. Ее ласковый тон противоречил пристальному взгляду, которым она одарила девушек. – Как приятно видеть, что ты вернулась домой. Поистине счастливейший из дней Эвмара.

– Спасибо, Ния. – Ларкира настороженно смотрела на сестру, пытаясь скрыть охватившее ее веселье. – И тебя тоже с днем рождения.

– Да, действительно. – Ния откинула назад выбившийся из прически рыжий локон. – Так вот почему ты покалечила руку? Сделала мне подарок?

Ларкира напряглась, пытаясь сохранить веселое выражение лица, ей казалось, что фантомный кончик ее пальца пульсировал.

– Конечно же. Тебе нравится? – Она подняла бугорок, в который теперь превратился ее безымянный палец, чтобы дать возможность сестре рассмотреть его.

Ния пожала плечами:

– Он довольно маленький.

Ларкира поджала губы.

Ния выгнула ухоженную бровь.

А затем сестры ухмыльнулись друг другу.

– Иди сюда, старая жаба. – Ния притянула Ларкиру в объятия. – Я рада видеть тебя дома, но надеюсь, во время своего Лиренфаста ты тренировалась спать с одним открытым глазом, – тихо сказала она Ларкире на ухо. – Ибо я отплачу тебе за те свидетельства любви, которые ты оставила на моей кровати. Возможно, добавлю твоим рукам симметричности, забрав второй безымянный палец.

– С нетерпением жду твоих попыток. – Ларкира крепче обняла Нию.

– Да начнутся игры.

– Я думала, они уже начались.

– Долго вы планируете обниматься и обмениваться гадостями? – спросила Арабесса. – Потому что я с радостью скажу повару, чтобы он сдвинул сегодняшний ужин на пару дней вперед. Уверена, он будет счастлив услужить.

– Чувствуешь себя обделенной? – Ния отступила назад, разглядывая их старшую сестру.

– Ни разу в жизни.

Ния хмыкнула:

– Ну, это бремя самое…

– Так и думал, что найду вас всех здесь, – произнес знакомый низкий голос, и в голове Ларкиры тут же промелькнули воспоминания об их общем детстве.

У открытой двери стоял эффектный чернокожий мужчина.

– Зимри! – Ларкира подбежала к нему и крепко обняла.

Зимри пошатнулся, отступая на шаг назад, и ему потребовалось мгновение, чтобы ответить ей взаимностью, заключая ее в такие же искренние объятия. Затем он тихо рассмеялся:

– Я рад, что вынужденное отсутствие не умерило твой пыл и не заставило поблекнуть твою красоту.

– Если уж на то пошло, – Ларкира повертелась в его объятиях, – после отсутствия я лишь стала сиять еще ярче.

– Безусловно, – с теплотой сказал Зимри.

Зимри Д'Энье был сыном старейшего союзника их отца, Халсона Д'Энье, и после трагической смерти родителей, в результате которой у Зимри не осталось живых родственников, их отец взял его к себе и воспитал как своего собственного сына. Он пришел к ним тощим, тихим мальчиком, но благодаря любопытной и властной натуре дочерей Бассетт, а также мудрости и стойкости их отца, он превратился в довольно рослого, самостоятельного мужчину. Вполне естественно, что Зимри занял место правой руки их отца – должность, которую он принял с большой честью и серьезностью. Порой даже излишней.

– Могу я теперь опустить тебя? – спросил Зимри.

– Только если в этом есть необходимость, – вздохнула Ларкира.

Чуть отступив назад, Ларкира как следует посмотрела на него. Дерзкая улыбка Зимри и проницательный взгляд заставляли вздыхать многих женщин, да и мужчин тоже. И, как обычно, он был безупречно одет в расшитый золотом серый костюм-тройку. Золотистые нити отлично сочетались с его потрясающими карими глазами.

– Мне кажется, – спросила Ларкира, – или ты стал красивее с тех пор, как я ушла?

– Тебе кажется, – вставила Арабесса, стоявшая поодаль от них.

Зимри пристально посмотрел на нее, но Арабесса вернулась к тренировкам с метательными ножами, заполняя пространство ритмичным стуком попавших в цель орудий.

Ларкира обменялась с Нией понимающими взглядами, прежде чем повернуться к Зимри.

– Ты принес мне подарок?

– В некотором роде. – Он пригладил костюм. – Он просил о встрече с тобой.

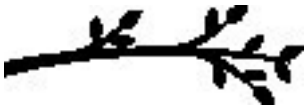
Желудок Ларкиры сжался. «Боже мой», – подумала она.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

Взглянув на каждую из сестер и получив ободряющие кивки, Ларкира снова повернулась к Зимри.

– Ладно. Показывай дорогу.



Хотя Ларкира выросла в этом доме, она все еще не разгадала всех его секретов. Каждую неделю, иногда даже чаще, она находила хотя бы одну новую комнату или коридор, а когда возвращалась на следующий день, обнаруживала, что эта комната или коридор переехали на другой этаж. Зимри с легкостью провел ее по бесконечным проходам, которые простирались до потолков из цветного стекла; вниз по лестничным пролетам, увешанным гобеленами из отдаленных мест, вереница которых дрожала от движения; по небольшому мосту, соединявшему южное крыло с западным; не к одной, а к трем дверям, которые позволяли войти в покои ее отца. Там Ларкира наконец остановилась, затаив дыхание, предвкушая радостную встречу.

Она сжала губы, магия беспокойно пульсировала в венах.

Когда дело касалось ее отца, всегда присутствовал некий урок, своего рода испытание. Однако чаще всего ни одна из сестер не знала, прошла она это испытание или, наоборот, провалила, что, как полагала Ларкира, было не таким уж плохим исходом. И все же каждое ожидание встречи с отцом по-прежнему было наполнено мощной смесью тревоги и предвкушения. Ларкира всегда хотела угодить своему отцу, учитывая, что ей нужно было многое исправить, ведь именно она стала причиной смерти его жены.

Чувство вины ударило Ларкиру глубоко в живот, как бывало всегда, когда она думала о своей матери.

Зимри отступил назад, позволяя Ларкире подойти к дверям, каждая из которых отличалась дизайном. Одна была сделана из шероховатого оникса, другая – из простого потертого дерева, а третья – из чистого белого мрамора, все без каких-либо опознавательных знаков, свидетельствующих о том, что находилось за ними.

– Тебе выбирать, – проинструктировал Зимри, прислонившись к соседней стене. – Он будет ждать тебя независимо от того, какую дверь ты выберешь.

– А ты не пойдешь со мной? – спросила Ларкира.

Зимри покачал головой:

– Он хотел увидеть тебя.

– Но я уверена, ему понравится неожиданный визит.

– Ларк. – Зимри поднял бровь, совсем не впечатленный уговорами девушки. – Постучи.

Зимри был одним из немногих, кто знал секрет, который Бассетты хранили в заколдованных стенах и тайных городах, учитывая, что он пришел из того самого места, которое они так тщательно охраняли.

– И тебя тоже с днем рождения, – проворчала Ларкира, возвращаясь к выбору, стоявшему перед ней.

Многое могло произойти, в зависимости от того, в какую дверь она постучала бы. А могло и ничего не случиться.

Что, опять же, вероятно, было неким поводом для раздумий. Но сегодня, в такой день, как ее день Эвмара, Ларкира не нуждалась в спокойных размышлениях, поэтому она уверенно подошла и постучала один, два, а затем три раза в дверь из оникса.

Открываясь, дверь довольно драматично скрипнула, из нее вырвался ледяной ветер, и, прямо перед тем как войти, Ларкира засомневалась. Ей стало страшно, как никогда раньше, вдруг именно на этот раз она сделала неправильный выбор.

Глава 3

Все было хорошо.

Или, по крайней мере, так казалось на первый взгляд, хотя, конечно, все могло быть совсем иначе.

Ларкира на собственном горьком опыте убедилась, что за спокойствием часто скрываются самые жестокие намерения.

Воздух становился теплее, когда она приближалась к оранжевому свету в конце коридора, из-за чего корсет, казалось, душил ее еще сильнее. Горло Ларкиры тоже начало сжиматься, как будто сам воздух был пропитан аллергеном, но, возможно, это было следствием предвкушения того, что встретит ее, когда она переступит порог.

Крупная фигура, облаченная в тонкую кожаную тунику, возвышалась в центре того, что казалось зимней хижиной, покрытой меховыми коврами, низкими деревянными балками и большим пылающим камином.

Сердце Ларкиры неистово билось, пока она нетерпеливо ждала, когда же Долион Бассетт, граф Рейвита, из второго дома Джабари, обратит на нее внимание. Он расположился за большим дубовым столом, тщательно изучая гору пергаментов. Светлая кожа Долиона сияла здоровым загаром, под стать его медово-рыжим волосам, которые были длинными и густыми и так плавно переходили в бороду, что напоминали львиную гриву. И хотя он сидел, поза не скрывала его внушительных размеров – он был гигантским мускулистым мужчиной, и люди не раз задавались вопросом, сколько же денег ему приходилось оставлять у портного.

Ларкира тихо кашлянула. Долион поднял глаза, оглядываясь по сторонам, как будто впервые увидел то, что его окружало. Но испытал ли он счастье или досаду, оказавшись в этой комнате, Ларкира сказать не могла.

В настоящее время она была сосредоточена лишь на одном: как не позволить своей магии вырваться из груди. Любовь, которую она испытывала к мужчине, стоявшему перед ней, была настолько всепоглощающей, что Ларкире казалось, если в этот самый момент никто не заговорит с ней, она воспламенится.

– Ларкира! – Его низкий голос напоминал рокот обратившихся в бегство зверей. – Моя дорогая девочка. – Оттолкнувшись от стола, он раскрыл объятия, позволяя ей броситься в них.

Уютно устроившись в его могучих руках, Ларкира впитывала запах дома, исходящий от ее отца, запах жимолости на солнце.

– Как ты себя чувствуешь сегодня вечером? – Долион успокаивающе провел рукой вверх и вниз по ее спине.

Ларкира могла бы ответить по-разному – уставшей, ошеломленной, взволнованной тем, что она здесь с ним, встревоженная его присутствием, – но она знала, что должна была сказать:

– Замечательно.

– И почему замечательно?

– Потому что мне повезло иметь семью, здоровье и крышу над головой.

– В этом вся ты, – сказал Долион, по его голосу было понятно, что он улыбается. – И из твоего ответа я заключаю, что твой Лиренфаст прошел успешно.

– Да, отец.

– В моих отчетах сказано, что, после инцидента с участием владельца ломбарда, его жены и кольца с изумрудом, ты получила лишь легкую травму?

Ларкира не стала бы называть свою травму легкой, но не собиралась возражать. Она знала, сочти Долион угрозу смертельной, он обязательно вмешался бы. По крайней мере… хотелось в это верить.

– Да, отец, – снова ответила Ларкира.

– Но ты справилась. – Он поднял ее забинтованную руку, рассматривая отрубленный палец. – И должен сказать, это очень похоже на тебя.

Ларкира улыбнулась:

– Спасибо.

– Скажи мне. – Долион отодвинулся, жестом приглашая Ларкиру сесть в кресло напротив его стола, – Какие три важные вещи ты усвоила?

Встревоженная магия Ларкиры поплыла, стоило девушке ощутить нервозность. Она одновременно и предвкушала и страшилась этого, заключительной части своего Лиренфаста. Ларкире понадобилось еще несколько песчинок времени, чтобы поправить юбки, пока она готовилась произнести свои следующие слова. Она запоминала и отмечала все, что пережила, чтобы потом вспомнить, и теперь изо всех сил старалась выбрать только три события.

Вероятно, в этом и состоял смысл. Невозможно было упомянуть лишь три вещи. Все случившееся и познанное казалось одинаково важным. Каждая песчинка каждого дня. Поэтому она произнесла:

– Мои три это всего лишь одна.

Долион молчал, откинувшись на спинку стула, и ждал.

– У судьбы нет любимчиков, – сказала Ларкира.

– Поясни.

Ларкира нежно коснулась раненого пальца.

– Можно быть красивым, – начала она, – богатым, бедным, молодым, наделенным магией или нет, грешником или праведником, дар жизни все равно дается всем нам, так же как и смерть приходит за каждым из нас.

Долион внимательно наблюдал за ней.

– Что это значит?

«А это значит, такова реальность», – подумала Ларкира, когда перед ней промелькнули образы всех тех, с кем она жила рядом в нижних кварталах: леди, которая помогла промыть ее рану, люди, которые, как она сама видела, перерезали спящему горло только для того, чтобы заполучить кусок заплесневелого хлеба, более обеспеченные семьи и владельцы лавок, которые жили очень близко к обездоленным.

– Никто не достоин жизни больше, чем другой, – в конце концов сказала Ларкира.

– Даже благородство не превосходит ужас? – спросил Долион.

– Да, – кивнула она. – Мы можем считать иначе, но судьбе нет до этого дела. Герой может умереть в нищете, злодей – в богатстве.

Долион задумчиво постучал пальцем по столу.

– Итак, учитывая твою веру в то, что жизнь – это энергия, дарованная добровольно, что мешает всем практиковать только чревоугодие и грех? Учитывая склонность небрежно обращаться с дарами?

– Наши души.

В глазах Долиона вспыхнул интерес.

– Да. Жизнь создана для того, чтобы двигаться в одном направлении – вперед, – продолжала Ларкира. – Именно наши души действуют как ветра, указывают ей путь. Жизнь дается каждому, но только наши души решают, как именно мы хотим жить.

В комнате воцарилась тишина, потрескивание и вспышки пламени рядом с ними были единственным признаком того, что время движется.

Ларкира ждала, пока заговорит отец. И глядя на него, заметила кое-что, чего не увидела, когда только вошла. В его волосах и бороде было больше седины, чем месяц назад. Больше, чем за это время могло бы появиться естественным образом, что означало только одно – он навещал ее мать.

Грудь Ларкиры сдавило, миллион вопросов вертелся у нее на языке, как это часто бывало, когда речь заходила о женщине, которую она встречала всего один раз, женщине, которая ускользнула в Забвение в тот же день, когда Ларкира появилась на свет.

Девушка открыла рот, готовая спросить что-нибудь, что угодно, но отец первым подался вперед и произнес:

– Ты заслужила свой день Эвмара, моя певчая птичка.

Комнату словно наполнил солнечный свет, такими милыми и приветливыми показались Ларкире его слова. Она не смогла сдержать улыбку, ее магия подпевала ей, радуясь вместе с девушкой. Одобрение ее отца и семьи – вот главная причина, почему Ларкира держала свои силы под контролем, несмотря на то, насколько порой это было сложно. Каждый день своей жизни она стремилась доказать, что ее жизнь являлась достойной, ценной, такой же ценной, какой, как она знала, была жизнь ее матери.

– Спасибо, отец. – Горло сдавило от испытываемых чувств, и голос прозвучал глухо.

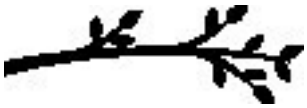
– Я не удивлен, учитывая, что тебе с юных лет пришлось учиться проявлять сдержанность, особенно с твоим даром.

При упоминании той самой темы, о которой она только что думала, Ларкира сглотнула.

– Да, – ответила она, ее горло снова сжалось.

Ларкире, младшей из сестер Бассетт, было сложнее всего контролировать свою магию. Ибо как могло дитя сдержать вопль, когда содрало кожу на коленке, или перестать непроизвольно напевать себе под нос, пока собирало цветы? Разве могла девочка отделять магию от своей сущности, когда она проявлялась при таком естественном поведении?

В голове Ларкиры всплыли мрачные воспоминания о суровых уроках, которые навязали ей в детстве Ачак, используя Арабессу и Нию в качестве мишеней.



Библиотека была угнетающе яркой, горела каждая свеча, все канделябры, словно так Ларкира могла видеть каждое последствие своих действий, каждую унцию боли на лицах сестер, причиной которых являлась сама Ларкира.

– Твои намерения должны наполниться твоим желанием, подчиняться лишь твоей воле, – наставляли Ачак, стоя у нее за спиной. – Ты должна подавить основной инстинкт своих чар защитить себя, нанося вред другим.

– Я пытаюсь, – огрызнулась Ларкира, тем самым лишь освобождая поток желтого, слетевший с ее губ и словно хлыстом ударивший Арабессу по лицу.

Старшая сестра зашипела от боли, но не сдвинулась со стула, который занимала рядом с Нией. По ее щеке потекла красная струйка крови.

Ларкира зажала рот, чувство вины захлестнуло ее, когда разгоряченная, сердитая и раздраженная магия закружилась у нее в горле.

– Сердись на меня! – беззвучно крикнула Ларкира своим силам. – Только не на них!

– Ты должна обрести спокойствие, – сказали Ачак. – Постараться лучше и заполнить им каждую клеточку своего тела. Убеждай свою силу так, словно это младенец, которого ты не желаешь будить.

Ларкира закрыла глаза, пытаясь обрести спокойствие, о котором говорили Ачак, но ее разум витал то там, то здесь, а магия казалась сердитой стаей птиц. От нее требовалось лишь завязать ленточки на воротничках своих сестер с помощи песни, но в своем отчаянии ей удалось только заставить обеих истекать кровью.

Видение изменилось, поплыло к другому воспоминанию, та же библиотека, но уже другой день.

Крик эхом разнесся по комнате, Ния хватала ртом воздух, пока пыталась подняться с пола и сесть.

Запаниковав, Ларкира бросилась к ней, но Ачак удержали ее.

– Еще раз, – потребовали они.

Ларкира покачала головой.

– Нет! – взглядом умоляла она.

– Еще раз, – повторило существо. – Заставь их погрузиться в сон.

Ларкира посмотрела на своих сестер, обе тяжело дышали из-за кошмаров, которые она непреднамеренно вызвала в их головах.

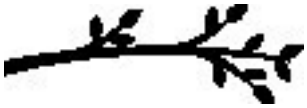
– Если ты не можешь обуздать свою силу даже с теми, кого любишь, тебе не удастся контролировать ее с незнакомцами, – объяснили Ачак.

Ларкира бросила на древних свирепый взгляд, желая направить свои силы в их сторону.

Ачак подняли темную бровь.

– Рискни, – сказала сестра, казалось, читая мысли Ларкиры. – Но причинение вреда нам не поможет причинить меньшую боль им.

Ларкира снова взглянула на сестер. Ей было всего шесть, Нии и Арабессе восемь и десять, но они продолжали возвращаться к этим кошмарным сеансам, стоически находясь перед ней, подбадривая и хваля одними лишь взглядами. Ларкира чувствовала себя наихудшим из монстров. Ей нужно было научиться контролировать себя. Она должна была. Либо так, либо навсегда остаться немой.



– Ты должна гордиться своими достижениями. – Слова Долиона прогнали картины из прошлого.

Ларкира снова сидела в освещенной камином комнате вместе со своим отцом. Тем не менее ее голова все еще кружилась от навязчивых воспоминаний, и она сделала несколько успокаивающих вдохов, усмиряя свою магию.

– Ачак были хорошими учителями, – в конце концов сказала Ларкира, стараясь скрыть горечь в голосе.

– И им пришелся бы по душе твой скромный ответ. – Долион пристально посмотрел ей в глаза. – Уверен, это урок хороших манер, который они хотели бы преподать Нии.

– Нам всем хотелось бы этого, – задумавшись сказала Ларкира.

Ее отец рассмеялся, раскатисто и низко.

– Да, именно. Но есть еще один вопрос, который мы должны обсудить. – Долион сел. – Ты использовала свою магию до того, как закончился твой Лиренфаст.

Ларкира насторожилась.

– Да, – призналась она, – но ради помощи другому.

– Разве за те недели, что ты провела в низинах, не было других, кому ты могла бы помочь своей магией?

– Возможно, но…

– И разве смысл твоего поста не в том, чтобы понять несправедливость тех, у кого нет даров потерянных богов? Что если ты будешь бороться или спасать, то лишь с помощью своего разума или кулаков?

– Да, отец, – еле слышно ответила Ларкира. Быть совершенной в вопросах магии было для нее более чем утомительно, но, как всегда, она должна была сохранять спокойствие. – Но, видишь ли, я направлялась домой… мой Лиренфаст практически закончился. И ты знаешь, что до этого, в течение нескольких недель, я сдерживала свою магию, укротила ее, даже когда мне отрубили палец. Должна заметить, тупым клинком. – Ларкира показала предмет обсуждения. – Я думаю, что мои действия принесли не вред, а только пользу. Особенно учитывая, что мужчина, которому я помогла, является гостем на моем сегодняшнем празднике, хотя я никогда не слышала о таком человеке, как Дариус Мекенна из Лаклана.

В ответ на это Долион продолжал хранить молчание.

Ларкира насторожилась:

– Отец, кто такой Дариус Мекенна из Лаклана?

– Как ты только что сказала, гость.

– Да, но почему у меня такое чувство, что он нечто большее, чем просто гость.

– На самом деле не он беспокоит меня, а скорее его отчим, – признался Долион. – Хейзар Бруин, герцог Лаклана.

– Дариус – лорд? – Ларкира моргнула. «Титул объясняет его элегантный наряд», – подумала она. Однако это не объясняло, почему лорд находился в нижних кварталах… и, более того, почему человек такого высокого ранга был вежлив с ней, жалкой оборванкой. – Они старые знакомые семьи? – спросила Ларкира. – Я никогда не слышал об этом Лаклане.

– Земли Лаклана находятся на юго-востоке Адилора, недалеко от рек, которые ведут в море Обаси. Лорд Мекенна написал Совету от имени своего отчима о возможном торговом договоре, касающемся полезных ископаемых, которые они могут добывать. Совет договорился встретиться с ним и герцогом на этой неделе, и так получилось, что встреча совпала с твоим днем Эвмара.

– Получается мой праздник еще и деловая встреча.

– Не все так просто, как кажется на первый взгляд, – напомнил ей Долион.

– Безусловно, – согласилась она. – И что еще насчет лорда и его отчима?

Несколько мгновений Долион изучал ее, и Ларкира видела, отец раздумывал, как много стоит рассказать ей.

– У Короля Воров есть подозрения, что герцог может заниматься незаконным распространением одурманивающих веществ. А именно разновидностью выкаченной из других магий – форрии.

– И что? – нахмурившись, спросила Ларкира. – В Королевстве Воров люди постоянно балуются подобным.

– Да, но у Короля нет записей о том, что герцог когда-либо проникал в Королевство Воров, – объяснил Долион. – И тут напрашивается вопрос: кто в Королевстве обеспечивает его этим? Подобные сделки запрещены за пределами города.

– Почему? – возразила Ларкира. – Если разрешено практиковать подобное в самом Королевстве, почему имеет значение, что кто-то занимается этим за пределами земель?

Долион вздохнул, и Ларкира проглотила обиду, заметив, насколько он разочарован ее словами.

– Моя дорогая, у Королевства Воров есть определенная задача, – сказал Долион, сплетая пальцы на животе. – Как можно дольше сдерживать хаос. Если ты хочешь торговать краденными товарами, прекрасно, но приноси их на Теневой рынок. Если хочешь закачать яд в свои вены, будь нашим гостем, но делай это в стенах притона, где процессом можно управлять и контролировать. Стоит произойти утечке, и именно тогда воцаряется настоящий хаос. И чаще всего начинаются войны. Хотя Король Воров и безжалостен, он не фанат войны.

– Да, – согласилась Ларкира. – Я знаю, что так и есть. Значит, учитывая все сказанное, будет ли герцог нашей следующей миссией?

Долион беспечно махнул рукой.

– На сегодняшний день все это слухи. Мы узнаем больше, когда придет время. А пока давай поговорим о более приятных вещах. Например, твоем подарке. Тебе бы понравилось вот это? – спросил он, вставая и подходя к большому деревянному шкафу в углу. Подняв золотую защелку, ее отец распахнул двери, показывая огромного пепельно-серого ястреба, величиной почти в половину роста Ларкиры, сидящего в позолоченной клетке.

– Кайпо! – Ларкира подбежала к существу. Звук ее голоса разбудил ястреба, и он вскрикнул. – Ты все это время держал его здесь? – Она быстро открыла клетку и сорвала с нее шоры. Василькового цвета глаза забегали, но Ларкира с нежностью положила руку ястребу на спину и тихо прошептала: – Это я, старый друг.

Кайпо толкнул ее клювом, его крылья задрожали.

– Каждый день ему позволяли летать в тренировочном куполе, – объяснил отец. – Я боялся выпускать его из дома. Он бы отправился прямиком к тебе.

– Как и должно быть. – Ларкира отступила назад, позволяя великолепному существу выпрыгнуть из своей позолоченной тюрьмы на пол. Ястреб расправил массивные серебристые крылья, посылая по комнате небольшую бурю, тем самым заставляя шуршать бумаги и раздувая огонь.

Кайпо приспособился к своему новому пространству, к низким потолкам и стенам без окон, уменьшаясь в размерах, пока стал не больше среднего краснохвостого ястреба.

Цокнув, Ларкира позвала его сесть к ней на предплечье.

– Больше никаких клеток, любовь моя, – прошептала она. «Я единственная, кто должен страдать», – мысленно закончила Ларкира.

Кайпо был редкой породой, даже в колоритном Адилоре. Ястреб мутати, Кайпо обладал способностью изменять размер в соответствии с окружающей средой и целями. Ларкира не знала, где отец нашел его, но как только он принес его домой, Ларкира почувствовала, как ее магия поет для этого существа. И в ответ Кайпо вцепился в нее, как будто мог слышать тихую песню ее сердца. Благодаря своим дарам Ларкира имела странную связь с певчими птицами и была способна полностью подражать им. Но ее любовь к этому ястребу была гораздо глубже, и теперь, снова воссоединившись с Кайпо, Ларкира действительно чувствовала себя как дома.

– Ты счастлива, моя певчая птичка? – спросил Долион.

Ларкира улыбнулась, когда Кайпо подтолкнула ее палец, чтобы она продолжала гладить его.

– Да, очень.

– Хорошо. И сегодняшний вечер, ты готова к нему? – Ларкира встретилась взглядом с голубыми глазами отца.

– К какой части?

– Ко всем.

– Я больше готова ко второй части праздника, нежели первой, – призналась она.

– У вас, девочек, всегда так, – усмехнулся Долион, откидываясь на спинку стула и кладя руки на живот. Он был похож на гризли, готового вздремнуть.

– Отец, однако меня беспокоит одна деталь.

– М-м-м, и какая?

– Лорд Мекенна, – призналась Ларкира, ее пульс участился, когда разум заполонили образы высокого мужчины и его добрая улыбка. – Я была довольно грязной, но как ты думаешь, он может узнать меня сегодня вечером?

Глаза Долиона озорно блеснули в свете костра.

– Думаю, нам придется подождать и проверить.

Глава 4

Лорду Дариусу Мекенне было невероятно скучно, но точно не из-за недостатка развлечений или роскоши. За последние два месяца это был пятый день Эвмара, который заставил его посетить отчим, и легкомысленность юных леди начинала утомлять. Дариус не был видящим, однако прекрасно понял намерения Хейзара. Много лет его отчим оставался вдовцом, а теперь отправился на поиски новой невесты. И, судя по виду величественного поместья, в котором они оказались, – с множеством залов, наполненных грандиозным великолепием Адилора, и бальным залом, в котором размещались весьма влиятельные гости, – Хейзар искал не просто какую-нибудь новую невесту, а неприлично богатую.

Юная леди, виновница сегодняшнего торжества, определенно подходила по всем статьям.

В Джабари не было ни короля, ни королевы, городом управлял Совет из шести элитных домов, и Бассетты принадлежали к одному из них.

Если бы Дариус верил, что подобный брак поможет его народу, он бы первым встал на защиту супружеского счастья своего отчима. Но он лучше многих других знал, что ничего из приданого будущей невесты Хейзара не попадет на земли Дариуса и жителей. Нет, герцог обладал даром заставлять исчезать ценности и прочие драгоценные вещи.

Рукой в перчатке Дариус крепче сжал свой напиток, и его грудь обожгло жаром, стоило ему подумать о своих людях, находящихся на грани голода. Налоги были непомерно высокими, а продуктов было так мало, что жители его земель едва ли выживали в таких условиях. И все это из-за легкомыслия другого. Стараясь не скривиться, Дариус посмотрел на своего отчима, находившегося на другом конце огромного бального зала.

Тогда как Дариус предпочитал сливаться с толпой, Хейзар Бруин любил выделяться. Одетый в длиннополый фрак цвета перванш с черной отделкой и соответствующий жилет поверх белой накрахмаленной рубашки, его отчим казался состоятельным герцогом. Даже его туфли на фиолетовой подошве подходили к образу.

«Цени детали, – часто говорил он Дариусу, – именно они отличают немногих имеющих значение от тех, кому подобное не дано». Когда Хейзар только стал отчимом Дариуса, такие уроки были редкостью, но с годами, когда здоровье матери Дариуса день ото дня ухудшалось, они стали ритуалом, к которому она умоляла его отнестись серьезно. В свои последние дни единственным утешением, за которое, казалось, могла уцепиться его мать, была ее вера в то, что она оставит своему сыну какое-то подобие сознательного взрослого.

Дариус насмешливо фыркнул.

Ни один из них не мог себе представить, насколько безнравственным и испорченным окажется этот человек.

Вспомнив о матери, Дариус подавил новую волну ярости, смешанную с сердечной болью.

Почему герцогиня завещала поместье Хейзару, вместо того чтобы придерживаться обычного права наследования по крови? Почему она не оставила его своему сыну? Дариус часто лежал без сна, уставившись в темноту, когда его охватывало беспокойство, и размышлял, не разочаровал ли он свою мать в последние дни ее жизни. Разве он не показал ей, каким ответственным мужчиной способен стать?

«Конечно, она не хотела, чтобы наши земли превратились в то, что они представляют собой сейчас», – подумал Дариус.

Именно это убеждение побуждало Дариуса продолжать заниматься тем, чем он занимался, искать решение, которое могло бы помочь возродить его земли и вернуть им великолепие, которым они обладали, пока оба его родителя оставались в живых. Ибо это были единственные времена, когда Дариус был счастливым.

Глубоко вздохнув, Дариус отхлебнул вина, не ощущая его сладости. Его разум занимали мысли о двух встречах, которые он провел в городе. Об одной Хейзар знал, но, скорее всего, не собирался присутствовать на ней, бросив Дариуса заключать вселяющее ужас торговое соглашение с Советом Джабари. О другой встрече Хейзар ничего не ведал, но, силы небесные и морские, она была намного важнее первой.

Дариус проделал большую работу – и его чуть не ограбили в процессе – чтобы найти проводника, способного привести его в место, о котором говорили только шепотом. К тому самому человеку, который правил тайным миром магии и греха. Так будет, если создание, с которым он вел дело, действительно появится сегодня вечером и отведет Дариуса туда, куда он так отчаянно хотел попасть. «О потерянные боги, – подумал Дариус, – надеюсь, он придет». В противном случае, он терпел все это, – Дариус окинул восхищенных завсегдатаев вечеринки беглым взглядом, – напрасно.

– Дариус, это ты, ты старый брюзга. – Полный молодой человек подошел и хлопнул его по спине.

Дариус вздрогнул от внезапного контакта, его сердце сжалось, а по коже пробежал холодок. Он не любил, когда к нему прикасались без предупреждения.

– Как приятно видеть тебя здесь, – сказал его старый одноклассник, одетый в одежду на размер меньше.

Фрез Чаутблах учился в Южной академии Адилора вместе с Дариусом, и, хотя был достаточно милым парнем, обладал неудачным даром превращать самые интересные истории в скучные, а самые скучные истории в чертовски невыносимыми.

– Фрез, – успокоившись, поприветствовал Дариус. Он надеялся, что продолжая сидеть в конце зала, найдет немного покоя, но его снова ждало разочарование.

– Что заставило тебя проделать весь этот путь до Джабари? – спросил Фрез, делая глоток того, что, несомненно, было одним из многих бокалов вина, учитывая, что низ его светлых усов теперь был окрашен в бледно-красный.

– У меня есть дело к Совету.

– Дело, говоришь. – Фрез покачнулся, чуть пролив свой напиток. – Не пытаешься ли ты ловить рыбу в разных водах? Поймать что-нибудь с красивыми жабрами?

Дариус поднял брови на грубое описание женщины.

– Нет. Только бизнес.

– Я люблю рыбачить, – продолжал Фрез. – В смысле ловить рыбу. А не то, на что намекал ранее. – Глядя на Дариуса остекленевшими глазами, он пьяно улыбнулся. – Ты ведь догадался, верно? Что раньше я на самом деле говорил не о рыбалке с приманкой и леской? А о том, чтобы подцепить дамочку?

«Силы моря Обаси», – подумал Дариус, допивая остатки напитка и протягивая пустой стакан проходящему мимо слуге.

– Да, я понял.

– Хорошо, хорошо. Я работаю над этим. Мама говорит, что мне при любой возможности нужно практиковаться в искусстве ведения беседы.

«Пожалуйста, потерянные боги, – безмолвно молился Дариус, – не дайте мне стать объектом следующего мучительного урока».

– Я записал выражения, которые считаю умными, – продолжал Фрез. – Ой! Вообще-то, ты мог бы мне помочь. – Фрез пошарил во внутреннем кармане пиджака, безуспешно пытаясь удержать свой кубок. Несколько капель красного брызнуло ему на грудь. – Я могу прочитать тебе кое-что, и ты скажешь мне, если…

В бальном зале прозвучал гонг, заставивший гостей замолчать, и Дариус вздохнул от облегчения.

Они с Фрезом повернулись на звук, а люди вокруг них волной двинулись вперед. Незнакомцы теснили Дариуса, из-за чего его охватила легкая паника, а дыхание стало прерывистым.

Теперь он оказался ближе к первым рядам, чем ему хотелось бы, но любая мысль об отступлении отпала, стоило ему увидеть впечатляющую семью, стоявшую перед ними. На вершине мраморной лестницы возвышался гигантский, похожий на огромный валун, мужчина с гривой темно-рыжих волос, которые переходили в густую бороду. Он был одет в темно-красный длиннополый фрак, оторочка из кожи и золотых нитей обрамляла край его одеяния, богато украшенный меч висел у него на бедре. Справа от него стояла фигуристая рыжеволосая дама в персиковом с белым платье, в то время как слева – высокая, эффектная брюнетка в темно-фиолетовом. Дариус никогда бы не догадался, что они родственники, если бы не похожие умные голубые глаза, которые пристально смотрели на аудиторию.

Чернокожий мужчина, одетый в безупречный кроваво-красный смокинг с длинными фалдами, выступил вперед и чистым и звучным голосом объявил:

– Имею честь представить вам Долиона Бассетта, графа Рейвита, из второго дома Джабари, и его дочерей, леди Арабессу Бассетт и леди Нию Бассетт.

Зал наполнился аплодисментами, раздались одобрительные возгласы, но затем граф улыбнулся, взмахом руки останавливая присутствующих.

– Для меня большая честь сегодня вечером видеть вас всех в качестве наших уважаемых гостей на праздновании дня Эвмара моей младшей. С самого ее рождения я ждал и боялся этого дня. Достижение совершеннолетия, когда ты становишься по-настоящему независимым в этом мире, – пугающий момент для любого, но я горжусь девушкой, которой она стала, и знаю, что буду гордиться ею еще больше в будущем. И хотя моя дорогая Джоанна, – грустная улыбка тронула уголки его губ, – не может отпраздновать с нами, я знаю, она гордилась бы так же сильно, как и я. Поэтому с величайшей любовью и честью я представляю вам свою дочь, леди Ларкиру Бассетт.

Граф отступил в сторону, и вперед вышла высокая девушка в голубом, ее волосы цвета слоновой кости блестели в ярком свете. Прижимающиеся к Дариусу тела были забыты, и его сердце замедлилось, как будто утренний туман после дождя ворвался в комнату. Глоток свежего воздуха, вот кем была Ларкира Бассетт. С лучезарной улыбкой она вложила свою руку в перчатке в руку отца, и тот положил ее на сгиб своего локтя.

Аплодисменты стихли, музыка заиграла вновь, а присутствующие продолжили тихо переговариваться, когда Бассетты спустились по лестнице и обошли различных гостей. Фрез продолжал бессмысленно болтать рядом, но все внимание Дариуса было сосредоточено на семье, когда они медленно приближались, пока он вдруг не почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, что свидетельствовало лишь об одном: кто-то наблюдал за ним. *Он* наблюдал за ним.

Дариус поймал взгляд темно-карих глаз отчима с другого конца комнаты, как раз в тот момент, когда на него упала тень.

«Нет, – подумал Дариус, – не сейчас, когда он смотрит. Пожалуйста, пусть это будет не…»

– Лорд Чотблак и лорд Мекенна.

Глубокий, рокочущий голос графа заполнил пространство.

– Очень рад, что вы оба смогли присоединиться к нам на сегодняшнем празднике и, конечно, герцог. Он здесь? – Долион Бассетт, ростом на добрую голову выше Дариуса, осмотрел комнату.

– Да, ваша светлость. Где-то среди веселья. – Низко склонившись, Дариус выпрямился и увидел, что перед ним стоит вся семья. Две старшие сестры расположились на шаг позади отца, выглядя так, словно им немного скучно, в то время как Ларкира продолжала держать отца за руку. Она одарила Дариуса робкой, заинтересованной улыбкой, и стоило увидеть ее вблизи, как… ему показалось, в ней было что-то почти… Но нет, с чего бы ей казаться знакомой?

– Спасибо, что пригласили на сегодняшний вечер, – сказал Дариус графу. – Для нас большая честь присутствовать здесь, и позвольте мне пожелать вам счастливого дня Эвмара, миледи. – Его взгляд снова упал на леди Ларкиру.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут вмешался Фрез:

– Моя мать была в полном восторге, когда получила приглашение, – сказал Фрез. – Она шлет свои извинения за то, что не смогла присутствовать сама, но, как вы знаете, ваша светлость, по вечерам ее часто подводит здоровье.

– А как насчет раннего утра? – спросила леди Ния Бассетт, теребя свои тонкие прозрачные перчатки.

– Прошу прощения? – Фрез выглядел немного сбитым с толку, когда к нему обратилась рыжеволосая красавица.

– Я спрашивала о раннем утре. – Девушка перевела взгляд на него. – Если она так слаба поздними вечерами, как она себя чувствует, когда просыпается?

– Боюсь, она разбита, – вмешалась леди Арабесса.

– Если только не похожа на цветок пустыни, – ответила леди Ния. – Закрывается под звездами, оживает под солнцем.

– Это обычный цветок, – поправила леди Арабесса. – Обычные цветы спят по ночам.

– Я совершенно уверена, что с цветами пустыни происходит то же самое.

– Тогда зачем вообще уточнять разницу? Просто скажи, что она похожа на цветок.

– Потому что я думаю, цветок пустыни – более подходящее описание для женщины, чем обычный старый цветок, – объяснила леди Ния. – Любой поклонник может написать стихотворение, сравнивающее женщину с цветком. Но уточнив вид, что ж, он добьется большего. Вы не согласны, лорд Чотблах?

Бедняга, несомненно, позеленел:

– Я, э-э, это…

– Что скажете вы, лорд Мекенна? – Леди Ларкира прервала унылое бормотание парня, переключаясь на Дариуса. – Когда вы пишете любовное стихотворение для своей возлюбленной, вы уточняете, о каком именно растении идет речь?

Дариусу потребовалось время, чтобы прийти в себя, успокаивающий ритм голоса леди Ларкиры казалось убаюкивал его разум.

– Нет, миледи, – наконец промолвил он. – Я считаю использование сравнения с растениями в любовной поэзии слишком прозаичным.

– В самом деле? – Она подняла брови. – А что вы используете взамен?

– Мне еще предстоит найти возлюбленную, чтобы узнать об этом.

Леди Ларкира на мгновение задержала взгляд на Дариусе, и на ее щеках появился легкий румянец.

– Видите, сколько седин прибавили мне дочери за эти годы, – усмехнулся граф, с неприкрытой любовью глядя на своих детей.

Из-за этого взгляда постыдная искра ненависти опалила сердце Дариуса, и он отвернулся как раз в тот момент, когда музыканты заиграли вальс.

– Ах. – Долион похлопал по руке свою младшую дочь. – Пришло время для твоего первого танца, моя дорогая. Кто будет твоим партнером?

Вопрос повис в воздухе на неловко долгое время. Дариус знал, было бы по-джентльменски просить у леди Ларкиры разрешения стать ее партнером, но, будучи уже порядком взвинченным, он больше не хотел ощущать на себе чужие руки, какими бы нежными ни были прикосновения этой леди. К тому же он был не в настроении улыбаться и говорить фальшивые любезности, особенно когда его отчим, скорее всего, наблюдал… Ничего хорошего не выйдет, если Хейзар подумает, что Дариус заинтересован не только в девушке, но и во всем остальном. Подобные вещи имели тенденцию пропадать, исчезая совершенно бесследно.

И все же, чем дольше никто не произносил ни слова – Фрез все еще напоминал трусливого зайца, – тем сильнее леди Ларкира съеживалась от смущения, ее взгляд часто обращался к нему.

Зараза.

– Разве право первого танца принадлежит не отцу? – спросил Дариус. – В Лаклане мы начинаем именно так.

– Нет. – Долион выдержал его пристальный взгляд. – В Джабари мы начинаем не так. – В этой фразе была скрыта не столько угроза, сколько совет: «Давай, парень. Подумай хорошенько».

Дариуса охватила паника, ему хотелось подтолкнуть к имениннице любого стоявшего неподалеку гостя, но вместо этого он осознал, что, стиснув зубы, сам поднимает руку в перчатке и спрашивает:

– Не окажете ли вы мне великую честь, позволив стать партнером в вашем первом танце?

К своему облегчению, Дариус едва почувствовал нежные пальцы леди Ларкиры в своих, когда вел ее в центр бального зала. Сохраняя на лице бесстрастное выражение, он скользнул рукой по ее тонкой талии, притягивая девушку ближе, прежде чем подхватить темп и поравняться с другими кружащими по залу танцорами. Сердце Дариуса учащенно забилось, в то время как хватка девушки была не более чем шелестом птичьего крыла, и, находясь так близко, он уловил мятно-лавандовый аромат ее мыла. Ничего неприемлемо удушливого и чрезмерного, совсем не похоже на то, что использовало большинство дам из высшего общества. Это еще больше взволновало Дариуса, и, сам того не осознавая, он притянул партнершу ближе. Несмотря на его нежелание находить прочие поводы для комплимента, он был вынужден признать, что леди Ларкира оказалась отличной танцовщицей. Хотя Дариус полагал, что обладал достаточно скудным опытом, чтобы сделать подобный вывод. Но все же он мог оценить ее скорость и легкость, то, как она легко позволяла ему направлять ее.

– Осталось всего несколько песчинок. – Ее мягкий голос вырвал его из раздумий. – И вам больше не придется беспокоиться.

– Что?

– Вальс скоро закончится, – пояснила леди Ларкира. – А вместе с ним и ваши страдания.

Дариус нахмурился:

– Я не страдаю.

– Нет? – Она бросила на него насмешливый взгляд. – Моему отцу пришлось практически заставить вас танцевать со мной, за что я приношу свои извинения. И только что вы выглядели так, будто вас больше интересует разгадывание занимающих ваш разум загадок, чем участие в разговоре. Сестры всегда говорили, что мое присутствие едва ли можно вынести, и вот теперь я начинаю им верить.

Дариус быстро поискал глазами своего отчима, но обнаружил только море наблюдающих за ним незнакомцев.

– Мне жаль, если все выглядело так, как вы описали. – Он крепче обнял леди Ларкиру, когда они сделали два поворота. – Поверьте, вы более чем сносны в качестве партнера по танцам. Просто я не очень опытен в светских мероприятиях. По крайней мере, не такого рода.

– Такого рода? – спросила леди Ларкира.

– Званых вечерах.

Она рассмеялась, и легкий звук пронзил его насквозь.

– А я-то думала, что это прием по случаю дня рождения.

– Да, да, конечно. И снова, примите мои извинения.

«О силы потерянных богов, парень, перестань причитать как дитя».

– Нет. – Она широко улыбнулась. – Вы правы. Будь моя воля, я едва ли стала тратить время на подобное.

– Тогда почему мы все здесь? С трудом верится, что ваш отец относится к тому типу мужчин, которые смогли бы отказаться вам в какой-либо просьбе.

– Что заставляет вас так думать? – Голубые глаза леди Ларкиры искрились озорством, и Дариус поймал себя на том, что более пристально наблюдает за ней и за тем, как желтое свечение, укрощающее зал, сверкает на ее замысловато заплетенных волосах.

Она действительно казалась Дариусу знакомой, но, возможно, причина крылась в ее жизнерадостности. Он не привык к такой живости, и, похоже, ему не доставало подобного.

– У всех нас есть роли, которые нужно играть, – продолжала она. – Как, например, вы, смелый лорд, пришедший мне на помощь в моем первом танце, несмотря на одолевавшие его сомнения.

– Я не сом…

– Неправда. – Она придвинулась к его боку, чтобы покружиться. – Нет необходимости лгать, милорд.

В ее голосе слышалась насмешка, словно какая-то скрытая шутка.

– Вы всегда так откровенны? – спросил Дариус.

– Как я уже сказала, нет нужды лгать.

«Вот только ложь – это все, что я когда-либо знал», – подумал он.

– Значит, у вас никогда не возникала необходимость во лжи? – усомнился Дариус.

– Конечно, возникала!

Он моргнул, глядя на нее сверху вниз.

– Теперь вы противоречите самой себе.

– Нет, я говорю, опираясь на контекст.

– Понятия не имею, что это значит.

– Это значит, что я откровенна, когда не вижу необходимости поступать иначе, и лгу, когда того требуют обстоятельства.

– Вы очень своеобразны.

– Спасибо. – Она расплылась в улыбке, и Дариус не мог ничего с собой поделать – он рассмеялся в ответ.

Этот звук удивил не только его, но и леди Ларкиру. На ее лице был написан триумф, пока он продолжал вести ее в танце.

– Судя по вашему предыдущему комментарию, – сказал он, – могу ли я сделать вывод, что вы отмечаете свой день рождения по-другому еще и в другой день?

Она лукаво улыбнулась.

– Ночь еще так молода, лорд Мекенна, – сказала она, когда вальс подошел к концу. – Как и я.

Они оба на мгновение замерли, однако он все еще держал ее руку, другая же покоилась на талии девушки, их дыхание участилось от небольшого физического напряжения – по крайней мере, Дариус винил в этом танец, – пока вечеринка гудела, постепенно размывая все вокруг.

А затем, стоило новому голосу ворваться в их пузырь, все встало на свои места. Голос, напоминающий скольжение шелка по песку, тот, от которого по коже Дариуса всегда бежали мурашки.

– После такого изящного выступления, – сказал появившийся рядом с ними Хейзар Бруин, – было бы упущением не пригласить вас на следующий танец. – Он протянул Ларкире руку в фиолетовой перчатке.

Дариус инстинктивно сжал Ларкиру крепче, тем самым заработав от нее вопросительный взгляд, но прежде чем она смогла вымолвить хоть слово, он заставил себя отпустить ее и отступить, давая ей возможность принять предложение, что она, лучезарно улыбнувшись, и сделала.

Чернота скручивала внутренности Дариуса, пока он был вынужден наблюдать ставшее уже привычным явление: стоило ему начать чем-то наслаждаться, как его отчим тут же отбирал у него то, что вызывало подобные приятные чувства.

Глава 5

Ночной воздух казался более густым и обжигающим, чем ожидал Дариус, учитывая, что в ночном небе не сияло солнце, а в темном переулке, по которому он шел, сильно пахло рыбой. Прижав плотнее к лицу коричневую кожаную маску, Дариус попытался приглушить отвратительный запах. Там, куда он направлялся, требовалась анонимность, но маскировка хорошо работала и в качестве преграды для вони.

Пробыв на балу еще два песочных водопада, держась в темных углах и наблюдая, как леди Ларкира Бассетт порхает от поклонника к поклоннику, Дариус ушел.

Оставаться дольше не имело смысла. Дариус никогда больше не приблизится к ней и, если на то будет воля потерянных богов, никогда больше не увидит. У Лаклана и без того хватало проблем, и не было необходимости добавлять ее приданое к этой кипе. Такое богатство лишь увеличило бы власть Хейзара над землей. Нет, Дариус искал другое решение, а не очередной сбор монет. И нужно было найти его быстро.

В то время как при другом правителе договор о торговле ископаемыми показался бы хорошей идеей, если Совет Джабари заключит его при Хейзаре, это, безусловно, приведет народ Лаклана к жизни в рабстве. Ибо выручка от прииска не сможет стать награждением за каторжный труд. Арендаторы земель и так уже были в долгу перед герцогом, их дома больше не принадлежали им самим; так они лишь сильнее погрузились бы в отчаяние и, возможно, в процессе лишились бы жизни.

При этой мысли Дариус ускорил шаг, словно невидимый падающий песок подгонял его.

Под покровом безлунной ночи Дариус последовал за горбатым мужчиной, чье лицо было скрыто серым платком, практически превращая его в мумию. Дальше и дальше через нижние кварталы Джабари к месту под названием Черный Мост. Его проводник появился, как и обещал, и кровь Дариуса стучала в ушах с каждым шагом, который он делал по узким улочкам.

Будучи маленьким мальчиком, он был очарован местом под названием Яману, царством, где обитало все, что пожелало оставаться скрытым. От желанной фарфоровой куклы до целого города. Дариус часто гадал, живут ли в этом загадочном королевстве люди, пожелавшие сбежать туда, где их никогда не найдут. Говорили, что секреты создания каждого района в Яману были утеряны, и даже если бы не так, Дариус, к сожалению, не знал, как создавать такие районы. Отчасти он все еще верил, что ничего из этого не существует, все это детские сказки, и что в настоящее время его вели на верную смерть. Вся эта тайна была всего лишь театральной уловкой ради мешка серебра, прежде чем ему перережут горло.

Дариус сжал висящий на бедре кинжал и посмотрел на сгорбившегося мужчину, ведущего его к цели.

– Не успеешь даже вытащить его, как уже лишишься руки, – предупредил проводник, стоя спиной к Дариусу, его голос был удивительно четким и твердым. – Мне не обязательно смотреть на тебя, я и так знаю, что именно ты чувствуешь, мальчик, – продолжал объяснять он.

По спине Дариуса пробежали мурашки.

– Ты видящий.

– Я много чего, – сказала закутанная голова, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Дариуса, глаза проводника были скрыты среди вороха тряпок. – Но сегодня вечером я – твой путь вперед. И тебе лучше запомнить это.

Дариус убрал руку с клинка, и проводник кивнул, прежде чем свернуть в другой иссиня-черный проход.

– Мы приближаемся к Черному Мосту, – сказал проводник, ускоряя шаг и ведя Дариуса по тесному переулку. – Держись рядом. Мы должны пройти незамеченными, иначе ни один из нас не получит удовольствия от нашей следующей трапезы.

От понимания, насколько близко они находились к месту назначения, чувства Дариуса обострились. Но он не заметил никаких признаков того, что они вошли в этот новый район, никаких различий в конструкциях, за исключением того, что узкий черный переулок стал будто давить на него, словно гигантский валун обрушился на спину Дариуса, и ему потребовались все имеющиеся силы, чтобы продолжать двигаться.

– Поторопись, мальчик, – прошептал проводник, и Дариусу пришлось напрячься, чтобы разглядеть перед собой развевающиеся серые одежды, когда они свернули в каменный альков. Звук ногтей, царапающих стены рядом с ним, заполнил голову Дариуса, и он повернулся, готовый напасть на преследователя, но никого не обнаружил. Лишь еще больше черноты.

Накидка Дариуса стала слишком жаркой, и струйка пота побежала по его шее.

«Что это за место?» – подумал он.

– Быстро. – Ледяными пальцами сгорбленный мужчина обхватил запястье Дариуса и потащил его через дверь. Скрипнула дверь, лязгнул замок, и мужчина оказался в такой непроницаемой темноте, что казалось, будто ему на глаза надели повязку.

Сердце Дариуса забилось в панике, но вдруг чиркнула спичка, и желтое свечение осветило маленькую, облицованную кирпичом комнату, у стен которой громоздились использованные деревянные ящики.

Его проводник стоял на другой стороне, мертвенно-бледной рукой ощупывая каждый камень, в то время как другая держала маленький фонарь.

– Где мы? – спросил Дариус.

– В шкафу, – ответил мужчина, все еще ощупывая стену и что-то ища.

– Да, я понимаю, сэр, но почему?

Человек не ответил.

– Сэр…

– У тебя есть она? – Закутанная голова повернулась к Дариусу. – Твоя цена за проход?

Дариус оглядел ограниченное пространство.

– Проход через что?

Мужчина нетерпеливо махнул рукой.

– Мы не можем идти дальше без твоего серебра.

И вот оно, то, чего Дариус боялся. Его убьют в этой маленькой комнате, оставят истекать кровью, в то время как проводник заберет все деньги, лишив народ Лаклана шанса на возможное счастливое будущее.

– Ты что, ни во что не веришь, мальчик? – практически прорычал его проводник. – А надо бы, иначе не стал бы так настойчиво искать меня, надеясь найти это. – Тощая рука постучала по камню. – Теперь прочь сомнения, или я на самом деле оставлю тебя здесь, и пусть тебя найдут паразиты Черного Моста.

– Что ж, – сказал Дариус, – нет необходимости грубить. – Он смиренно протянул свой мешочек с монетами. Сомнения или нет, но этот человек был прав. Дариус зашел очень далеко, даже если все это не имело смысла. Он не мог остановиться сейчас.

Поставив фонарь на землю, похожий на мумию человек взвесил в руке маленький кошель, затем сжал его в кулаке и что-то пробормотал. Звук походил на тот, который издает кошка, когда избавляется от комка шерсти.

Дариус разинул рот, когда проводник разжал пальцы; кошель с деньгами теперь превратился в одну единственную светящуюся монету с золотым ободком.

– Силы потерянных богов… – Дариус мог лишь смотреть, как мужчина прижал монету к кирпичу, и та исчезла, словно ее проглотили целиком. Дариус не знал точно, но ему показалось, что стена вздохнула.

Проводник повернулся к нему.

– Итак, что ты готов отдать, секрет или немного крови? Однако предупреждаю, Яману – царство потаенных вещей, и твой секрет должен быть подходящим, чтобы оно приняло его.

У Дариуса имелось много секретов, но ни одного подходящего. Большинство лишь болезненные, туманные моменты во времени, где единственными настоящими воспоминаниями были лишь его собственные крики. Хотя на мгновение ему показалось, что это место жаждало именно их.

– Кровь. – Дариус закатал рукав, игнорируя шрамы, которые уже украшали его руки. Он давно привык к крови.

Если закутанный в тряпки мужчина и заметил отметины, то ничего не сказал. Он просто наклонился, чтобы прошептать что-то стене, свой собственный секрет, а затем отодвинулся назад и вытянул палец с острым ногтем. Вместо того чтобы ударить резко, он уколол ладонь Дариуса. Дариус не издал ни звука, просто наблюдал, как мужчина сложил его ладони чашечкой, дожидаясь, пока в центре соберется достаточно крови.

– Прислони их туда. – Он указал на кусок камня, в который вставил монету.

Дариус сделал, как ему было сказано, и стоило только почувствовать, как теплая влага его собственной крови коснулась прохладного камня, железная хватка потянула его дорожную накидку, а затем головокружительно быстро мужчина провалился сквозь стену.

Приземлившись на колени, Дариус вгляделся в туманную серую бездну, пахнущую одновременно и сыростью и пылью. Он быстро встал и огляделся в поисках темного, тесного шкафа, где они только что стояли, но увидел только еще более бесцветное ничто, простирающееся во всех направлениях. Если там и было небо или потолок, он его не заметил.

– Это и есть Яману?

– Да, – сказал проводник, отрывая полоску ткани от повязки на голове, прежде чем протянуть ее Дариусу. – За твою долю.

Дариус посмотрел на грязную материю.

– Спасибо, все в порядке.

Мужчина просто пожал плечами и пошел вперед, отбросив полоску в сторону. Дариус последовал за ним, касаясь губами поврежденной кожи на ладони.

Не успели они сделать и двадцати шагов, как он увидел это, вернее, их. Различные безделушки валялись повсюду или парили в воздухе. Витиевато украшенные золотые песочные часы, подвешенные в пустоте, кресло-качалка, раскачивающаяся без малейшего дуновения ветерка, чашка, вращающаяся без веревки, опрокинутое комнатное растение – все это стояло отдельно друг от друга. В одиночку. Были ли это порталы в другое царство внутри Адилора или двери в комнату бабушки, он не знал, все эти вещи казались совсем неприметными. И если здесь были другие, те, кто тоже путешествовал по Яману, Дариус не мог слышать их или видеть. Абсолютно беззвучное, туманное место.

На самом деле, все это было так… удручающе. У Дариуса сжалось горло. Казалось, тоска стала его вечной спутницей.

Держась как можно ближе к проводнику, Дариус последовал за ним сквозь густой воздух, пока к разбросанным предметам не присоединилась случайная проселочная дорога, а затем темный, поросший травой холм, прежде чем путники преодолели множество зигзагообразных лестниц, ведущих к мосту, который казался бесконечным, исчезая в туманном забвении.

Все это не имело никакого смысла, и, шагая по мосту, Дариус чувствовал, если попросит ясности, ему достанется лишь загадка. Его детство прошло не среди магии и множества секретов, которые, как он знал, хранил Адилор, однако Дариус понимал, то немногое, с чем он встречался, существовало без причины или логики. Целые города и территории до сих пор купались в дарах потерянных богов, в то время как другие, по слухам, когда-то процветавшие, теперь зачахли, его дорогой Лаклан среди них. Говорили, что магия передается по крови, но не было ничего диковинного в том, что одаренная душа рождалась от бездарных родителей, и

наоборот. Правила Адилора, казалось, исчезли вместе с богами. Дариус знал лишь одно, ничто так не радует умных, как возможность перехитрить самого себя. А магия, что ж, это была самая умная вещь на свете.

– Может, нам остановиться перекусить? – спросил Дариус, вытаскивая завернутый хлеб из небольшой сумки, которую нес на плече, внезапный голод одолел его. Он почти ничего не ел на балу, и право, как долго они уже шли?

– Мы почти на месте, – ответил проводник.

«Почти где?» – хотел спросить Дариус, учитывая, что все вокруг начинало выглядеть одинаково. Как этот человек, видящий он или нет, знал, куда идти, было выше его понимания. Перейдя мост, – у которого на самом деле был конец, – они пересекли небольшой ручей, прежде чем подняться и спуститься по еще большему количеству лестниц и даже пройти сквозь лестницу. Дариус никогда не думал, что такое вообще возможно.

Он многому научился за это путешествие.

– Мы на месте. – Его проводник остановился у ничем не примечательного маленького деревянного ящика, лежащего посреди поля.

Дариус недоверчиво моргнул.

– Вы уверены? Это может быть вон тот булыжник.

– Не-а. – Мужчина махнул рукой. – Этот ведет не туда, куда ты хочешь идти. Если только тебе не нравится кричать.

Дариус не знал точно, но ему показалось, что на скрытом под тряпками лице мужчины промелькнула улыбка.

На всякий случай он отодвинулся подальше от камня.

Наклонившись, проводник вставил ключ в верхнюю часть ящика, повернул его, и ящик открылся, появился свет, затем он устремился вверх и превратился в мерцающие очертания двери, ведущей в портал. Дариус шагнул вперед и заглянул внутрь. Его глаза расширились. Он смотрел в огромную, необъятных размеров пещеру, и в этой пещере находился город. Гигантские сталактиты тянулись вниз до пола пещеры, соединяясь со сталагмитами, которые тянулись вверх. Маленькие белые огоньки домов заполняли практически все, словно искрящийся снег, в то время как отдельные каменные постройки были вырезаны в окружающих каменных стенах. Дальше темный город петлял вокруг возвышающихся скал, из труб валил разноцветный дым. Голубые и зеленые светлячки висели высоко по всей пещере, создавая эффект звездного неба на потолке этого грандиозного, скрытого мира.

– Добро пожаловать в Королевство Воров. – Проводник протянул руку, помогая Дариусу пройти через портал и ступить на выступ, с которого открывался вид на город.

Оказавшись внутри, Дариус остановился на каменном уступе, на мгновение оценив необъятную панораму внизу. Он вдохнул воздух, довольно свежий для мира, который, казалось, находился под землей. Дариус никогда не видел ничего подобного. Он и представить не мог, что такое место может существовать, и уж точно не предполагал, что оно окажется таким красивым. Для места, которое, как говорили, было наполнено развратом и грехом, оно казалось на редкость сказочным. Здесь лежал город, все еще купающийся в магии, все разнообразие которой мог предложить Адилор, – несомненно, порочной.

– Ты заплатил за одну последнюю просьбу. – Сгорбившийся мужчина появился рядом с Дариусом.

– Да, – сказал Дариус, продолжая смотреть на находящийся в тени мир внизу, а также на резной дворец из оникса, возвышающийся в центре. – Отведи меня к Королю Воров.

Глава 6

Ларкира нетерпеливо ерзала в центре своей комнаты, пока Шарлотта раздевала ее, оставив в простой белой сорочке.

В голове всплывали события этого вечера, образы всех гостей, с которыми она танцевала, и новых знакомых, которых завела. Но чаще всего ее мысли возвращались к лорду Мекенне и его отчиму, герцогу.

Ларкира одновременно испытала облегчение, но и ощутила укол раздражения, когда не увидела узнавания во взгляде лорда Мекенны. Облегчение, потому что это означало, что ей не придется объяснять, почему она была одета как оборванка и что именно делала в таком виде в нижних кварталах. А раздражение пришло из-за того, что, как оказалось, она была ничем не примечательна, если не считать внешности, для всех, кого встретила в тот самый день.

– Ты поистине блистала сегодня, – сказала ее горничная, заворачивая голубое платье, в котором Ларкира была на празднике, в коробку из мягкого шелка. Кайпо сонно вскрикнул со своей стойки рядом с кроватью Ларкиры, его серебристые крылья мерцали в свете свечей.

– Спасибо, Шарлотта, – поблагодарила Ларкира, направляясь к своему туалетному столику. Выдернув все до последней шпильки, она с облегчением вздохнула, когда волосы волнами рассыпались до самой талии.

– Кто-нибудь из сегодняшних партнеров по танцам заинтересовал тебя? – спросила Шарлотта, начав расчесывать волосы Ларкиры.

– Почему ты спрашиваешь? – Ларкира нахмурилась, глядя в зеркало на женщину, стоявшую у нее за спиной.

– Ты со многими танцевала, вот и все. Теперь, когда ты достигла брачного возраста, у тебя наверняка будут посетители.

Образ высокого рыжеволосого лорда снова заполнил разум Ларкиры. Крепкая хватка лорда Мекенны, когда он кружил ее по залу, запах гвоздики, который исходил от него, и широкая, но редкая улыбка, осветившая его лицо.

«Но какое это имеет значение?» – подумала Ларкира. Ее не интересовал потенциальный жених. С таким количеством секретов, которые хранила девушка, она никогда всерьез и не думала о замужестве. Слишком много обязанностей перед семьей, чтобы надолго разлучаться с ними, не говоря уже о ее дарах. Прошлое Ларкиры являлось не совсем приятным свидетельством того, что она была способна сделать с теми, кого любила. Лучше не усложнять ситуацию, добавляя еще кого-то, пусть и только в теории, кому она могла бы нанести увечья, если ее магия когда-нибудь выйдет из-под контроля.

– У меня нет времени на подобное. – Ларкира махнула рукой, словно могла отмахнуться от этой мысли.

– Когда появится правильный человек, у тебя будет достаточно времени, – заявила Шарлотта. – И тогда обнаружишь, что песчинки текут слишком быстро. А как насчет того джентльмена, который пригласил тебя на два танца? Мне не удалось его увидеть, но внизу о нем много болтали.

– Хейзар Бруин? – с трудом выдавила Ларкира.

– Да, тот самый.

– Категорически нет. – Она отошла от Шарлотты и подошла к изображению пчелы, украшающему цветочный пейзаж на стене. Ларкира нажала на него, и панель отодвинулась, открыв потайной шкаф.

Герцог Лаклана действительно был яркой фигурой. Высокий, широкоплечий, с едва покрытой загаром светлой кожей и следами седины на висках, которые смешивались с осталь-

ной частью его черных как смоль волос. Все это дополняла безупречно пошитая одежда. Экстравагантность во всем ее великолепии.

Но потом он улыбнулся.

Силы моря Обаси, этого оказалось достаточно, чтобы у Ларкиры внутри все перевернулось.

То, в чем подозревал его отец Ларкиры, было написано на губах герцога, ясное как день.

Испачканные сажей заостренные зубы, а стоило ему заговорить, показался и его противный, покрытый тонким слоем угля, язык.

Конечно, только обладающие Виденьем, могли заметить яд, исходящий от герцога. Для всех остальных его зубы казались идеально белыми, за что, вероятно, он заплатил целое состояние.

Но Ларкира обладала этим даром, и если она когда-либо видела, как кто-то разлагается изнутри, то это, несомненно, был этот человек. От него разило форрией. Ларкира забыла, как отвратительно находиться рядом с подобным, как оно вызывает худший вид зависимости, потому что это был сильнодействующий опьяняющий эликсир, впрыскиваемый теми, кто родился без даров потерянных богов. Теми, кто настолько отчаянно нуждался в шансе почувствовать себя могущественным, какой бы поверхностной и мимолетной ни была эта сила, что был готов наполнять вены магией, высосанной из других – людей, у которых ее либо отняли, либо они отдали ее сами, отчаянно нуждаясь в куске серебра.

Однажды Ачак отвели Ларкиру и ее сестер в один из притонов в Королевстве Воров. Еще один из их многочисленных уроков. Она все еще могла видеть темное пространство, освещенное лишь горящими спичками, здесь и там зажигались фляги с маслом, чтобы вскипятить стеклянные шары, наполненные украденной магией. Из сосудов тянулись резиновые трубки, по которым испорченная кровь поступала в вены мужчин и женщин, сгорбившихся за столами и стульями. Их остекленевшие глаза смотрели в пустоту, рты были открыты, когда поверхностные дары просачивались в их тела, наполняя зависимых временной силой. Притон тонул в стонах, боль смешивалась с эйфорией, а запах казался тошнотворно-сладким.

– Посмотрите, дети, к чему может привести жадность, – сказали Ачак, ведя их сквозь этот кошмар. – Нельзя всецело полагаться на магию, стремясь почувствовать себя сильным. Именно в сердце и разуме кроется истинная сила.

Теперь, вспоминая тот урок, Ларкира понимала, почему отец сказал, будто Король Воров хотел, чтобы в королевстве творились такие мерзости. Многие из этих посетителей, спотыкаясь, уходили, быстро тратя свои временные силы на мимолетные заклинания, их намерения становились такими же извращенными и подлыми, как и зелье, которое они употребляли. А затем зависимые возвращались снова и снова, пока они не оказывались опустошены, неспособные что-либо сделать без форрии. Ларкира задрожала при этой мысли.

Как герцог вводил эликсир, если не в Королевстве Воров? Он, очевидно, баловался этим уже какое-то время, учитывая состояние его рта и запах, который исходил от его тела: слишком сладкий аромат, какой обычно бывает, если постоянно крутить под носом свежий букет цветов. Ларкире хотелось спросить у отца, что он будет делать теперь, когда порок герцога стал очевиден.

А что насчет лорда Мекенны? Был ли он в курсе дел своего отчима? Виденье или нет, было невозможно не заметить зловещую энергию, которую излучал Хейзар. Ларкира почувствовала, как напрягся лорд Мекенна, когда его отчим подошел к ним после танца. Какие отношения существовали между ними?

Мысли Ларкиры продолжали кружиться, пока она рассматривала вешалку, увешанную разнообразной одеждой, одна роскошная, другая невзрачная, – вещи, которыми не должна владеть дочь знатной особы.

Надев черные брюки и тунику, она завершила ансамбль, сняв с вешалки темную дорожную накидку. Не простую, а ту, которая крала встречающиеся по пути тени, чтобы помочь замаскировать ее владельца в окружающем пространстве. Схватив подходящие ботинки, Ларкира вернулась в свою комнату и захлопнула панно.

– Я не пойду с вами, девочки, – сказала Шарлотта. – Хочу переделать остальные твои перчатки, прежде чем завтра куплю в городе другие. Но обязательно успею к выступлению.

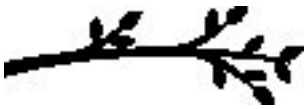
Шарлотта начала набивать левый безымянный палец всех перчаток Ларкиры, имитируя ту часть, которой у девушки больше не было. Она даже соорудила хитроумное маленькое приспособление, которое позволяло пальцу слегка сгибаться в суставе, когда Ларкира двигала кистью во время танцев. Это была необходимая предосторожность не только на собраниях Джабари в высшем обществе, где подобное несовершенство у леди вызвало бы призрение, но и особенно там, куда в настоящее время направлялась Ларкира. Шрамы и отсутствующие конечности были простым способом выявить личность – цена, которую себе не могли позволить даже Бассетты.

– Тогда мы обязательно дождемся тебя, – сказал Ларкира, когда сестры вошли в ее комнаты.

– Собираешься заставлять нас ждать еще один водопад песка? – Ния прижала кулак к бедру. – По-модному опоздать не всем доступная наука.

Ния и Арабесса надели одинаковые черные дорожные накидки, их волосы были подняты и спрятаны под капюшонами. В руках, затянутых в черные перчатки, сестры держали золотые маски с изящно нарисованными обсидиановыми бровями и губами.

– Не тогда, когда дело касается нас, – ответила Ларкира, принимая свою собственную маску и пару перчаток, которые Шарлотта протянула ей. – В конце концов, вечернее представление это мы. – Закрыв лицо и руки, а также натянув капюшон, Ларкира вышла за дверь, две ее сестры шли рядом.



Попасть в Королевство Воров было легко. По крайней мере, тому, кто знал дорогу, а сестры Бассетт бродили по темному, расположенному в пещере городу с тех пор, как впервые научились ходить. Однако проход во дворец был совершенно другим фокусом. Войти могли только приглашенные, приговоренные служить своему хозяину или одаренные тяжелыми кошельками. К счастью, в этот вечер Ларкира и ее сестры были не просто приглашены – они являлись уважаемыми гостями.

К тому же у них были свои связи, что давало им преимущество.

Пока они шли по просторному черному мраморному залу, освещенному рядом неровных ониксовых канделябров, Ларкира чувствовала себя все уверенней, как бывало всегда, когда она входила во дворец в окружении сестер. Ее магия, теплая и возбужденная, разлилась по венам, поскольку знала, скоро ее выпустят.

Взгляд Ларкиры скользнул по членам суда, слоняющимся у темных стен. Жемчуг, резные кости, перья, ногти и хвосты диких зверей составляли гардероб присутствующих. Богато украшенные головные уборы и маски закрывали лица всех посетителей, ибо сохранение анонимности в этом городе означало сохранение жизни, секреты и личности более ценны, чем любое количество драгоценностей. Однако это не означало, что от богатства отказывались. В Королевстве Воров, точно знала Ларкира, внешний вид имел решающее значение, особенно во дворце. А для людей, которые в основном получали то, что носили, с помощью хитрости, а может, перерезав кому-то горло или благодаря комбинации того и другого, каждый предмет

был одновременно и трофеем, который нужно продемонстрировать, и предупреждением, к которому следует прислушаться.

«Подойди ближе, – словно говорили они. – Посмотри, чем ты заплатишь, попытавшись ограбить меня».

Взгляды присутствующих обратились к Ларкире и ее сестрам, но девушки не останавливались и даже не смотрели на стоящих в комнате людей, однако Ларкира улыбнулась. Хотя маска дарила им анонимность, Ларкира наслаждалась тем, что ее знали такой, какой она была здесь. И любой, знакомый с Королевством Воров, точно понимал, кто перед ним. Только очень, очень немногие внутри этого мира знали об их жизни в Джабари, и эти секреты были связаны безмолвной магией.

Хотя Ларкира и ее сестры происходили из древнего рода наделенных магией существ, особенно по материнской линии, наследуемая ими магия проявлялась не очень сильно, в этом скрытом городе они сами по себе являлись созданиями, которых следовало бояться. Никогда не видимые порознь, эти трое ходили, сидели и выходили из комнаты вместе. Насколько элегантные маски не закрывали бы их лица, они всегда сочетались друг с другом и воспринимались как единое целое, особенно во время выступления. Ибо здесь Ларкира была частью Мусаи, трио созданий, которых одновременно почитали и боялись. И хотя сестры были сильны и порознь, никто не осмелился бы перейти дорогу Мусаи, когда они находились вместе. В этом королевстве, где радушно принимали самых порочных и свирепых, создание угрожающего очарования являлось первостепенной задачей.

А его у Мусаи было в избытке.

Здесь Ларкира лучше понимала не только свои собственные дары, но и дары своих сестер. Она могла чувствовать желания, реакции, незначительные изменения каждой из их сил. Она ощущала их и теперь, гудящих рядом, таких знакомых.

«Поиграй с нами», – шептала ее магия.

«Скоро, – успокаивая, подумала Ларкира. – Скоро».

Покинув двор, сестры прошли по узкому коридору с высоким потолком, где из стен торчали острые, как нож, куски черного-черного камня, проходящие мимо них сразу же осознавали, что здесь необходимо соблюдать крайнюю осторожность. Коридор вел в круглую приемную, обрамленную рядом нависающих дверей, оранжево-красный свет просачивался по их сторонам. Густой, тяжелый воздух давил на Ларкиру, когда она шаг за шагом приближалась к месту назначения.

«Уверен, что хочешь находиться здесь?» – казалось, спрашивал воздух.

Четверо стражников, гигантов из черного мрамора, стояли по обе стороны двери, держа в руках длинные острые жезлы. У их ног толпилась кучка людей, желающих получить аудиенцию у человека, который сидел за преградой.

Сестры проигнорировали очередь и направились прямо к закрытым дверям, прежде чем остановиться перед ними.

Внезапно наблюдающие за их передвижением зеваки замолчали, в зале воцарилась тишина, а некоторые незаметно скрылись в темноте.

Ларкира гордо улыбнулась.

– Он не один, – произнес глубокий бархатистый голос из темного алькова. – И, несмотря на то, что сегодня вечером у вас особая цель, вам придется ждать, как и всем нам.

Ларкира обернулась, сестры последовали ее примеру, и она ощутила, как Ния, стоявшая рядом, мгновенно напряглась, когда из тени под тусклый свет вышел мужчина.

– Здравствуйте, дамы, – словно кот промурлыкал он.

Мало что в этом мире по-настоящему пугало Ларкиру, но человек, смотревший на них горящими бирюзового цвета глазами, принадлежал к их числу.

Магия Ларкиры затрепетала, предвосхищая необходимость защиты, но она держала ее в узде. На данный момент.

Алос Эзра, печально известный пиратский барон, человек, который, казалось, был вылеплен из той самой скалы, в которой стояло Королевство Воров. Его крупная, мускулистая фигура выглядела несокрушимой под длинным темным пальто, касавшимся пола у его ботинок. Но дело было не в его размерах, завораживающих глазах или заметных любому чарах, которые кружили вокруг него, словно приятный ветерок, заставляя окружающих проявлять осторожность. Причина крылась в его лице, оно оставалось неприкрытым.

Очень немногим хватало смелости для подобного. Но что это было за лицо.

Грех. Казалось, его лицо символизировало само понятие порока, каждый дюйм которого рисовал безнравственные картины в сознании Ларкиры, навевая мысли о страсти в спальнях и других скрытых от посторонних глаз уголках. Его смуглая кожа, от жизни в море покрытая более темным оттенком загара, спускающиеся ниже плеч волосы цвета оникса и резко очерченные скулы манили всех. Но Ларкира знала, его веселая усмешка также обещала боль. И подобное сочетание казалось неимоверно пугающим.

Для пиратского барона, который, по слухам, являлся худшим из чудовищ в море Обаси, пребывание без маски, позволяющее демонстрировать окружающим эту губительную красоту, явно создавало преимущество.

«Знай меня, – шептала его душа. *– Вспомни, кто вырезал твои крики».*

– Пришел пресмыкаться ради еще одной услуги? – спросила Ния этого бесчестного мужчину.

Ларкире захотелось ущипнуть сестру. Обмен колкостями между этими двумя редко сулил что-то хорошее.

Хотя сестры были одеты одинаково, пылающий взгляд Алоса пробежался по накидке Нии, как будто сквозь ткань он мог видеть все ее изгибы и знал, что именно скрывается за тканью.

– Моя маленькая зажигательная танцовщица. – Слова Алоса скользили по воздуху. – Мы оба знаем, что скорее именно ты приклонишь колени в поисках милости.

Температура в комнате резко возросла, бок Ларкиры опалило жаром, когда Ния шагнула вперед. Ларкира почувствовала, как с этим движением Ния вытаскивает вперед свою силу, но, успокаивающе коснувшись плеча сестры, Арабесса остановила ее.

– Капитан Эзра. – Ровный голос их старшей сестры прервал напряженный момент. – Мы слышали, что ваши путешествия на восток выдались крайне плодотворными. Планируете ли вы праздновать свой успех с нами сегодня вечером или вернетесь на свои земли для небольшой передышки?

Говорили, что Алос пришел из Эсрома, подводного города, который дрейфовал глубоко в океанских водах. Лишь рожденные там могли найти его, сохранив великолепие тех земель в безопасности. И роскоши, как слышала Ларкира, у него было в избытке.

Внимание Алоса переключилось с Нии на всех Мусаи.

– Мои земли, как вы их называете, более чем устраивает мое отсутствие. Более того, я считаю, что моя команда предпочла бы наслаждаться плодами своего труда здесь. Где, несомненно, имеется гораздо больше развлечений. – Его полные губы вновь изогнулись, когда взгляд барона снова остановился на Ние.

Ларкира почувствовала бурю магии, которую изо всех сил пыталась сдержать ее сестра, и краем глаза увидела перчатки сестры, которые слабо светились красным.

– Неужели, – сказала Арабесса. – Мы, безусловно, надеемся, что сегодняшнее шоу придется им по душе и что у ваших моряков хватит сил пережить его.

Ухмылка Алоса стала шире.

– Иным нет места на борту моего корабля.

Большие, тяжелые двери, перед которыми стояли собеседники, открылись, прервав их разговор. Свет от камина пролил тонкую полоску, когда высокий мужчина, одетый в черную дорожную накидку и коричневую маску, выскочил из комнаты.

Хотя он хранил молчание, не было никаких сомнений в том, что его охватил гнев. Напряженные плечи, сжатые в кулаки руки, упирающиеся в бока, все это свидетельствовало о едва сдерживаемой ярости, когда он прошел мимо сестер и пирата, оставляя за собой аромат гвоздики. Маленькая сгорбленная фигурка, завернутая в лохмотья, вышла из тени ожидающих незнакомцев, чтобы присоединиться к уходящему прочь посетителю.

Что-то знакомое защекотало кожу Ларкиры, когда она смотрела, как фигура мужчины уменьшается, пока он идет по коридору, но прежде чем она успела всерьез задуматься об этом, страж объявил глубоким низким голосом:

– Он увидит Мусаи.

– Думаю, ты ошибаешься, брат мой. – Громкий голос Алоса прозвучал в помещении. – Я был следующим.

– Он увидит Мусаи, – повторил камень.

Пират прищурился, провожая сестер взглядом, пока они прошли вперед, и, несмотря на маски на их лицах, Ларкира почувствовала, как торжествующе улыбнулась Ния, быстро повернувшись и насмешливо помахав Алосу на прощанье.

Войти в покои Короля Воров было все равно что попасть в центр живого вулкана. Гнетущий жар окутал Ларкиру, но холодок все еще пробегал по коже, когда она казалась карликом по сравнению с колоссальной высотой комнаты. Независимо от того, сколько раз Ларкира посещала эту обитель, ощущение оставалось таким же интенсивным.

Еще больше каменных стражников выстроились по периметру, поворачивая головы и следя за движениями Мусаи. Реки лавы змеились по ониксовому полу, кружась и извиваясь в замысловатых узорах – знаках древней, утраченной магии, которая питала силу человека, сидевшего внутри. Жидкие ручейки сузились и образовали узкую дорожку, заставляя Ларкиру и ее сестер придвинуться ближе друг к другу, в то время как гулкие шаги их мягкой поступи отдавались эхом с вызывающим дрожь *тук, тук, тук*, когда девушки продолжали идти.

Стены были такими же зазубренными и острыми, как и остальная часть дворца, и склонялись под углом, направляясь в глубину комнаты, где король ждал на троне с высокой, угрожающе заостренной спинкой. Черный дым окутывал его фигуру, скрывая любой намек на внешность. Но Ларкире не нужно было видеть его, чтобы почувствовать исходящую от него силу. Силу, от которой подкашивались ноги даже у самых смелых, стоило им продолжить пугающий путь вперед.

Когда Мусаи остановились у подножия трона, Ларкира и ее сестры одинаково низко поклонились, лбы в золотых масках касались каменного, отражающего свет пола.

В комнате воцарилась тишина; не было слышно даже шума бурлящей лавы.

Она тянулась бесконечно, взгляд невидимого взору мужчины все сильнее впивался в спину Ларкиры, пока у нее не заболели голени на твердом полу.

– Встаньте, – тяжелый голос, наполненный еще дюжиной других, завибрировал вокруг них.

Сестры встали, наблюдая за черным дымом, пульсирующем перед ними. Тот тип темноты, который сковывал, заставлял всматриваться вперед в гипнотический ритм тумана, не оставляя надежды на слабый свет.

Но никто так и не пришел. Поэтому они ждали.

И ждали.

И продолжали ждать, когда король снова заговорит.

Если бы Ларкиру и ее сестер с самого детства не учили встречать вызов с достоинством, стоять прямо даже при самых тяжелых обстоятельствах, они наверняка упали бы на землю в слезах.

Как, видела Ларкира, делали многие до нее.

Король Воров, каким он был теперь – весь в темном тумане и нераздельном могуществе – был совершенно ужасающим. Никто не знал о его истинном происхождении или о том, как он стал править этим скрытым царством грешников. Но, в конце концов, разве это имело значение? Теперь он находился здесь, одни потерянные боги знали, как долго, и не выказывал никаких признаков того, что собирается уходить.

– Подойдите, – наконец сказал он.

Арабесса легонько подтолкнула Ларкиру, и та шагнула вперед, чувствуя, как клубок нервов, словно пчелы, роится у нее в животе.

– Мой король! – Она снова низко поклонилась. – Мы польщены возможностью получить аудиенцию у вас сегодня вечером. В частности, я благодарна за оказанную мне честь отпраздновать мой день Эвмара и, как всегда, за наше выступление.

Король Воров был одним из немногих, кто знал, что они прячут за своими масками, ибо он знал всех, кто бродил по его городу.

– Мой народ не знает покоя, – сказал Король Воров, окружавший его дым колыхался в такт голосу. – Сегодняшний вечер принесет пользу не только Мусаи.

– Конечно, мой король. Мы здесь для того, чтобы служить.

Исходящая от владыки энергия коснулась плеча Ларкиры, молчаливое одобрение ее слов. Мгновение спустя туман вокруг него рассеялся, открыв истинное обличье этого человека.

Посетителей, если им предоставлялась возможность увидеть Короля Воров без его темной личины, всегда удивляли две вещи. Во-первых, вместо того чтобы окутать себя привычной темнотой, он был одет в ослепительно белое. Обилие белого, опалы, резные кости и выбеленные шкуры животных – все это составляло элементы его замысловатой одежды. Руки Короля закрывали перчатки, а ноги украшали ботинки, и те и другие сделанные из блестящей кожи аллигатора-альбиноса, чешуя сверкнула, когда пальцы владыки обхватили подлокотники трона, не обнажая при этом ни единой полоски кожи. Экзотические белоснежные перья, словно доспехи, были пришиты к ткани на широкой груди Короля, где в центре располагался белый череп с зубами из черных бриллиантов. Головной убор закрывал верхнюю треть его лица, сплетенный из таких же материалов, вплоть до двух замысловато изогнутых рогов на макушке.

Что вело ко второй вещи, которая удивляла посетителей. Король Воров, несомненно, был самым изысканным, экстравагантным существом, которое кто-либо где-либо видел. Если у короля и были волосы, то их скрывал головной убор, и единственными видимыми другим частями его лица оставались выкрашенный в черный цвет рот и густая борода, цвет которой был неразличим среди белых и серебристых нитей, вплетенных по всей ее длине. Был ли он блондином? Брюнетом? Или рыжим? Если бы Ларкиру поймали за слишком пристальным разглядыванием владыки, боль в затылке заставила бы ее отвести взгляд. И хотя Ларкира не могла видеть глаз мужчины, она, без сомнения, знала, что он очень ясно видит ее, и из-за этого по ее спине всегда бежали мурашки.

Общий эффект, производимый белым королем, сидящем на своем черном троне, походил на ощущение, которое испытываешь, глядя на звезду, свет, окруженный тьмой, которая шептала: «*Подойди ближе. Посмотрим, я ли решение, всех твоих проблем*».

Но цена.

Всегда была цена.

– Оставьте нас, – сказал король, и, хотя он не уточнил, кому предназначался этот приказ, все в тронном зале знали это. Вереница гигантских каменных стражников отступила в стены, исчезнув, в то время как Мусаи остались.

Пространство гудело с уходом воинов.

«У всего, что сейчас происходит, не будет свидетелей», – казалось, говорила блуждающая здесь энергия.

Арабесса и Ния подошли к Ларкире, когда Король Воров наклонил голову, рассматривая троицу.

– Сегодня вечером здесь присутствует много людей, которые не обладают дарами, оставленными потерянными богами. – Его голос кружил вокруг них. – Я ожидаю, что вы будете соблюдать соглашение, которое мы заключили при вашем первом выступлении.

– Конечно, мой король, – ответила Ларкира в унисон со своими сестрами.

– Вы можете приблизиться к краю безумия, дабы угодить тем, кто обладает магией, но не должны приступать черту.

– Да, мой король.

– И вы должны адресовать свою песню не одному гостю, а всему залу целиком. У меня не будет другого инцидента, подобного тому, который случился с братьями Гельмон. Такие действия предпринимаются лишь по моему приказу.

Ларкира сжала губы под маской, чтобы сдержать улыбку, на этот раз не чувствуя никакой вины за дикость своей магии в отношении того, о чем говорил король.

Гельмоны были олицетворением никчемных подонков, воровавших детей из домов, чтобы продать их в рабство. Ние не понадобилось уговаривать Ларкиру и Арабессу, чтобы они согласились с ее планом спеть им серенаду.

Виновата ли Ларкира в том, что у братьев не хватило силы духа пережить такое внимание?

Тем не менее сестры снова ответили в унисон:

– Да, мой король.

Король Воров рассматривал их, его магия вращалась в воздухе, словно щекочущая серебряная нить, и касалась плеч девушек, подтверждая искренность этого трио.

Все, что находил Король, казалось, радовало его, потому что его поведение изменилось, стало знакомым, когда он расслабился на своем каменном троне.

– Хорошо. – Он поднял руку в белой перчатке. – А теперь пойдемте, дети мои. Обнимите меня перед выступлением.

Довольно улыбаясь, Мусаи последовали приказу. Ибо, хотя он мог быть свирепым Королем Воров, владыкой самых порочных существ, которые прятались в трещинах подземного города, он также был известен под другим, более важным именем.

Отец.

Глава 7

Дариус был недоволен. На самом деле он был близок к ярости. А такого мужчину, который всегда оставался спокойным, словно безмятежное озеро, подобная перемена в настроении совсем не радовала. Дариус рос вместе с отчимом, жившим, казалось, лишь для того, чтобы провоцировать пасынка, и со временем обнаружил, что, несмотря на все ужасы, происходившие рядом, лишь сохраняя железное спокойствие, он может добиться хоть какого-то контроля над собственной жизнью.

Ему нужно было убираться отсюда.

– Ты останешься на вечеринку? – спросил его проводник, ведя Дариуса по одному из множества темных коридоров замка. Хотя Дариус не видел никаких охранников, он чувствовал, как стены цвета ночи наблюдают за ними.

– Нет, – ответил Дариус.

– Но тебя пригласили.

– Откуда ты… Неважно. Конечно, ты должен знать. – Он сердито посмотрел на сгорбленного мужчину. Несколько жирных прядей волос выбились из складок его укутанной серым головы, и не в первый раз Дариус задумался, что проводник прячет под всей этой тканью.

– Ничего такого, что ты бы запомнил, увидев, – видящий ответил на мысли Дариуса.

– Перестань так делать.

– Тогда перестань думать так громко.

– Значит, мне стоит размышлять шепотом?

– Шепот так же громок, как и крики.

– Сударь, я бы поспорил, что это не так.

– Здесь, внутри, так и есть. – Мужчина постучал длинным ногтем по своему черепу.

Дариус раздраженно вздохнул, но промолчал. Его терпимость к загадкам иссякла.

Король Воров оказался бесполезен, оставаясь холодным, безмолвным облаком дыма, когда Дариус, практически умоляя, рассказывал о своей ситуации. Уже войдя в тронный зал он знал, было рискованно приходить сюда и встречаться лицом к лицу с существом, чья репутация и легенды были более чем обоснованными. Если бы не годы жизни со своим собственным демоном, когда ему приходилось оставаться неподвижным, пока отчим стегал его язвительными словами, словно кнутами, – всегда недостаточно опрятный, совершенно не сообразительный, ест как простолюдин и невыносимо скучный собеседник – Дариус, несомненно, растерялся бы в присутствии этого существа. Вместо этого он держал спину прямо, когда почти умолял о помощи человека, который, как он знал, мог ему помочь.

Его земли надлежало спасти, а народ освободить от деспотичных и пренебрежительных решений его отчима. Лаклан достаточно настрадался, пребывая на грани полного и окончательного краха. Дариус пытался и все еще пробовал исправить все, что мог, – отремонтировать паруса, предоставить еду, которую удавалось стащить с их кухни, максимально отсрочить сбор налогов, – но он был всего лишь один, а людей Лаклана, хотя и обездоленных, все еще было много. Всякий раз, когда Дариус, собрав все свое мужество, шел к отчиму, чтобы обсудить этот вопрос, он быстро понимал, что в присутствии Хейзара все превращается в пепел. Дариус внезапно лишался дара речи, застывал на месте и постыдно пугался до смерти, словно всепоглощающая тьма окутывала его.

Шрамы на коже Дариуса начали ныть от туманных воспоминаний, и он отогнал их прочь.

Дариус пребывал в отчаянии и думал, что из-за своего затруднительного положения он станет идеальной добычей для короля. Он был на волосок от того, чтобы отдать собственную душу за помощь, за все, что могло исцелить земли Лаклана, но это, казалось, не имело значения. И Дариус думал, что решение окажется простым – конечно, Король Воров поймет, для

того чтобы положить конец страданиям Лаклана, необходимо избавиться лишь от одного человека. Но нет, Король Воров просто сказал Дариусу, что подумает о его проблемах, и если решит помочь, Дариус в конечном итоге узнает об этом.

Что за бессмысленный ответ?

После всего, чем Дариус рискнул и сколько заплатил за то, чтобы улизнуть от отчима и найти это место…

Деньгами, которые могли бы пойти его людям…

А если бы Король Воров действительно решил помочь, сколько бы это стоило? И смог бы Дариус позволить себе эту помощь? Будет ли у Дариуса шанс узнать об этом до того, как сделка будет заключена? А что, если помощь вообще не придет? Что тогда?

Когда он спросил об этом, существо, окутанное дымом, всего лишь потребовало от Дариуса отступить, повторив, что решение об отсутствии решения принято. А затем ему велели наслаждаться празднествами, которые скоро состоятся во дворце.

Возмутительно.

– Это как раз здесь. – Сутулый человек указал на туннель с неровными стенами слева от них, который, казалось, был грубо вырезан в темной скале дворца.

– Что это? – спросил Дариус, пытаясь подавить бушевавшую внутри ярость от исхода сегодняшнего вечера.

– Место, куда тебя пригласили.

– Я сказал, что не пойду.

– Но ты останешься.

Дариус невесело усмехнулся:

– О, неужели? Ты меня туда потащишь?

Видящий покачал головой:

– Ты пойдешь добровольно.

– Послушай, – Дариус потер пульсирующий висок, – я очень устал, умираю с голоду, мне надоело носить эту маску, и, как бы ни было досадно признавать, я на грани. Все, чего я хочу, – это чтобы мне показали обратную дорогу в Джабари.

– То, что ты ищешь, ты найдешь здесь, внизу. После выступления Мусаи никто не остается неудовлетворенным.

– Мусаи?

– Они утолят твой голод и облегчат боль.

– Так зовут придворного лекаря?

Хриплый смех вырвался у его проводника.

– Некоторые сказали бы и так.

Дариус посмотрел на слабый свет в конце длинного туннеля, прислушался к эхом разносящемуся гулу.

– Возможно, ты никогда больше не попадешь сюда. – Сгорбленная фигура шагнула в сторону звуков. – Разве не хочешь увидеть чудо, прежде чем отправиться домой к тому дождю?

Дариус обнаружил, что его больше не волнует, откуда этот человек знал, что над Лаклан постоянно висит грозовая туча или что Дариус вообще родом из тех мест. Если проводник пытался заинтриговать его, ему это удалось.

– Почему у меня такое чувство, что это больше для твоего удовольствия, чем для моего? – спросил Дариус, покорно следуя за мужчиной.

– Потому что ты умен, несмотря на первое впечатление.

– Какой шикарный комплимент. Не знай я тебя лучше, мог бы подумать, что начинаю тебе нравиться.

– Ты мне нравишься достаточно, чтобы посоветовать не есть ничего, что дают бесплатно, и пить только после того, как они выступят.

– Прости?

Но надобность в ответах отпала, когда Дариуса провели через скалу в огромную, увенчанную куполом пещеру, заполненную до отказа странными, экстравагантными фигурами.

Сначала запах – разнообразные ароматы духов и насыщенный, землистый запах, источником которого могла стать лишь толпа людей.

Затем звук – крики, стоны и смех смешались воедино.

А после зрелище – разврат. На каждом шагу.

По меньшей мере дюжина каменных балконов окаймляла пещеру, ведя к круглому отверстию в центре купола, через которое пробивалось мерцание усеянного звездами неба. Существа, полностью одетые и полураздетые, невысокие и высокие, склонившиеся и прямые, шипящие, лающие и с множеством других звуков и форм, которые Дариус с трудом мог описать, двигались волной вокруг него и стекали со многих этажей, возвышающихся над ним. Некоторые стояли, сжимая тарелки, доверху наполненные мясом и тушеными овощами, и смотрели, как другие дерутся, борясь за благосклонность прелестного создания. Другие, уже, казалось, выигравшие, ощупывали и целовали свои призы, которые стонали в ответ, более чем довольные этим вниманием.

В то время как некоторые части тела, которые, по мнению Дариуса, не помешало бы прикрыть, свободно болтались, все лица были скрыты, сохраняя анонимность. Большие кубки тащили с подносов, которые держали существа, выкрашенные в золотой цвет, внушительных размеров пир развернулся вдоль изгиба одной стены. Рядом на диванах и шезлонгах сидело еще больше гостей, сбившихся в кучу или жадно наблюдавших за происходящим. Освещение было тусклым, хотя и достаточно ярким, позволяя вытянутым теням рисовать живописные картины.

Дариус не мог решить, то ли ему освободить взбунтовавшийся желудок, то ли найти пергамент, чтобы поспешно описать все происходящее. Вот оно, легендарное Королевство Воров, место, о котором говорили только шепотом.

И все же даже если он смотрел на все это широко раскрытыми глазами, при этом пребывая в маске, Дариус понимал, что ощущения, когда он находился среди такого разврата, были не совсем такими, каких он ждал. Ибо, каким бы вульгарным ни казалось большинство творившегося здесь, в зале витала атмосфера полного принятия. Словно все действия здесь были безопасными и желанными, и все удовольствия, страдания и тайные страсти не найдут осуждения ни у кого из присутствующих. Возможности, открывающиеся после этого осознания заставили Дариуса испытать дрожь, что очень напугало его. Какую часть своей жизни, своих истинных эмоций он сдерживал, оставаясь всегда спокойным и безмолвным? Каково было бы жить, не беспокоясь, не переживая о Хейзаре и чувстве вины, которое постоянно терзало его изнутри, пока он наблюдал, как его земли приходят в упадок? Каково бы это было, хоть раз причинить еще одну боль? Всего один раз…

– Осторожно, мой мальчик. – Голос видящего прорезался сквозь туман в голове Дариуса. – Предлагаю в этот визит лишь смотреть, но не трогать.

– Я не желаю находиться здесь, – заявил Дариус, хотя понял, что не может заставить себя сделать хоть шаг назад.

– Пойдем. – Мужчина потянул накидку Дариуса. – Давай тебя накормим.

Подойдя к столу, его проводник взял тарелку с рисом на пару, копчеными ребрышками и кусочком чего-то, что выглядело ужасно, но пахло божественно.

– Вот. – Он сунул тарелку в руки Дариуса.

– Какова цена?

– Плати мне. – Глубокий голос привлек их внимание, и они повернулись к фигуре, прислонившейся к столу. Лоб говорившего был покрыт ярко-красной тканью, и лишь сквозь малюсенькие щелки виднелись абсолютно черные глаза. Это было лысое, без рубашки существо, с нарисованными красной краской завитками, покрывающими белое, как мел, тело. Узоры

тянулись по каждому дюйму, прежде чем исчезнуть под красной шелковой юбкой. Существо улыбнулось, демонстрируя шесть зубов.

– Привет, старый друг. – Персона посмотрела вниз на спутника Дариуса. – Прошло слишком много времени с тех пор, как ты трапезничал с нами.

– Я не нуждался в том, что тут предлагали.

Замаскированная красным фигура расхохоталась от восторга.

– Я уже и не помню, насколько ты очарователен. Но кого ты привел к нам сегодня вечером? – Существо обратило свой задумчивый взгляд на Дариуса. – Поросенка, который вот-вот завизжит?

– Не обращай на него внимания, – сказал сгорбленный человек. – Сколько мы должны?

– Как обычно. – Черные глаза оглядели Дариуса.

– Поцелуй.

Дариус вопросительно поднял брови.

– За тарелку еды?

– Да. – Зубастая ухмылка стала шире.

– Это же насколько надо быть уверенным в своей стряпне.

Разукрашенный красным персонаж захлопал в ладоши и захихикал.

– О, он прекрасно впишется.

От аромата пищи, проникающего сквозь маску Дариуса, его желудок заурчал от голода. В этот момент ему было все равно, кого нужно поцеловать, чтобы поесть.

– Тогда давай сделаем это, хорошо? – Дариус шагнул вперед, но разрисованная фигура остановила его, прижав руку к груди.

– Хоть я и польщен твоим рвением, дитя мое… – разрисованные пальцы коснулись живота Дариуса. – Он тот, – говоривший посмотрел на видящего, – кого я хочу поцеловать.

Хотя укутанный с головы до ног проводник был похож на мумию, Дариус мог бы поклясться, что почувствовал, как мужчина покраснел под всей этой тканью.

– Иди сюда, мой милый, – проворковала фигура в красном. – Ничто другое не погасит долг.

– Стоит ли удивляться, что я так долго держусь в стороне.

– О, выпендрежник. – Его воздыхатель весело махнул рукой. – Ты был слишком готов отдать то, что задолжал. – Опустившись на колени, существо погладило покрытую тканью щеку видящего, прежде чем отодвинуть кусок ткани, чтобы обнажить обуглившиеся черные губы. – Красиво, – прошептало существо, прежде чем прижаться губами к губам проводника.

Едва ли успела упасть песчинка, как все закончилось, но Дариус заметил, как его проводник качнулся вперед, словно желая продлить поцелуй.

Персонаж в красном улыбнулся, поправляя ткань на лице видящего.

– Не стесняйтесь наполнять свою тарелку, – предложил он Дариусу, все еще глядя на его проводника. – Я буду здесь всю ночь, чтобы принять плату.

И с этими словами фигура в красном повернулась, чтобы обратиться к новой очереди голодных гостей.

– Вы двое?..

– Я не совал нос в твою жизнь, – оборвал видящий Дариуса, когда они протиснулись к свободному месту вдоль дальней стены, – и ожидаю, что ты отплатишь тем же.

– Справедливо. – Дариус сдвинул маску, чтобы отведать пищу, и чуть не застонал. Окажись в его тарелке помои, его удовлетворило бы и это.

– Ешь быстро, мальчик, – наставлял проводник. – Они скоро будут здесь.

– Кто?

– Мусаи.

«Что такого особенного в этих Мусаи?» – раздраженно подумал Дариус.

– Нельзя есть, пока они в зале? – спросил Дариус.

Мужчина негромко усмехнулся:

– Ты, конечно, можешь попытаться, но это трудно сделать со скованными руками.

– Прошу прощения? – Дариус нахмурился, глядя на мужчину сверху вниз.

Как раз в этот момент в комнате воцарилась тишина, когда канделябры, выстроившиеся вдоль куполообразной пещеры, потускнели, и луч прожектора осветил фигуру пятью балконами выше.

Она была прекрасна, высокое создание с кожей темной, как безлунная ночь, бритой головой и длинной изящной шеей. Светло-серое платье облегало гибкое тело, в то время как серебристые ленты змеились по изящным рукам вверх к лицу, которое она оставила открытым. Умные василькового цвета глаза окинули взглядом собравшихся внизу. Возможно, она выглядела не старше двадцати четырех, но даже Дариус понимал, не в годах она измеряла свое время. Ее ошеломляющая энергетика, казалось, растянулась, словно тепло от солнца, согревая все внизу, несмотря на расстояние. Но в этом ощущении таилось вызывающее покалывание предупреждение держаться на расстоянии, потому что солнце тоже обладало способностью обжигать. Дариус задрожал от испытываемых чувств, зная, что это означало одно – она была существом не из этого мира, и к тому же древним.

– Добро пожаловать, мои сладкие, – страстный голос разнесся по пещере. – Наш король был великодушен к нам этим вечером, не так ли?

Быстрый взрыв радостных возгласов заполнил пещеру.

– И продолжает проявлять щедрость, – продолжала женщина. – Но прежде чем мы сможем поделиться ее дарами, просим вас принять обычные меры предосторожности.

– Меры предосторожности? – обеспокоенно прошептал Дариус своему проводнику.

Видящий лишь шикнул на него, когда василькового цвета глаза женщины порхали по толпе, пока она продолжала:

– Существа, одаренные тем, что оставили потерянные боги, могут оставаться там, где находятся, но тем, кто не обладает ни каплей магии, предлагается уйти сейчас или, если у них хватит смелости, остаться и найти скамейку с удерживающими устройствами. Никому не следует быть свидетелями представления Мусаи без этих мер. А теперь прошу, мои дорогие. – Она широко раскинула руки. – Найдите свои места, потому что создания, которых вы пришли увидеть, здесь!

Комната наполнилась болтовней, волны двинулись в разные стороны, когда толпа разделилась на тех, у кого были дары, и тех, кто не обладал ничем подобным. Полчище стражников оттеснило Дариуса в сторону, его тарелка с едой со стуком упала на землю. Он закричал, требуя, чтобы они остановились, его сердце билось, словно взрывающиеся в груди бомбы, когда незнакомые руки грубо толкнули его на скамейку. Но в следующее мгновение он уже сидел, прикованный к стене цепью вместе с еще дюжиной мужчин и женщин. Дариус тяжело дышал, осматривая комнату в поисках своего проводника. Но не увидел ни единого существа, которое смог бы опознать. Он посмотрел на других, сидящих рядом с ним. Единственной отрадой было то, что никто не был так напуган, как он. На самом деле, их рты были открыты, и они широко улыбались в предвкушении ожидаемого представления. Как стражники узнали, что у всех них не было магии? Что он не хотел уходить, как предлагала сделать та женщина? Но прежде чем Дариус успел задать еще хоть один вопрос или попробовать справиться с ограничениями, на комнату опустилась тьма.

И не просто какая-то тьма, а всепоглощающая пустота, словно Дариусу вырвали глаза.

Паника наполнила его вены за мгновение до того, как луч света осветил похожий на пещеру вход в зал, и теперь зрители собрались вокруг него тесным полукругом. Дариус прищурился, глядя в чернильную черноту как раз в тот момент, когда появилась группа силуэтов. Теперь тишина, повисшая в зале, была наполненная нетерпеливой надеждой, и Дариус, звеня

цепями, наклонился вперед, наблюдая, как трое низко склонившихся помощников в звероподобных костюмах из украшенного плетением меха тащат платформу вперед. На вершине располагались три похожие на статуи фигуры, задрапированные и затянутые в самые искусно сделанные костюмы, которые Дариус когда-либо видел.

На самой высокой из них, стоявшей в центре, красовался массивный головной убор, усеянный крыльями ворона. Черная шаль закрывала ее лицо, а на места, где располагались глаза и щеки, были нашиты ониксы, оставляя открытыми лишь полные лиловые губы и раскрашенный белым подбородок. Платье девушки походило на жидкие чернила с вкраплениями темно-фиолетового, вплетенными в материал. Она стояла прямо, ожидая начала представления, ее руки, затянутые в черные, плотно облегающие перчатки, были связаны вместе более темным шелком, из-за чего создание не могло пошевелить даже мизинцем.

Вторая была самой низкой из трио, ее костюм напоминал пылающую огнем, готовую вот-вот расцвести розу, мягкий материал собрался вокруг лодыжек девушки, растекаясь дальше по подиуму. Затененные полосы оранжевого и черного изящно окутали все ее тело в форме песочных часов, удерживая девушку на месте и ограничивая возможность двигать конечностями. Ее лицо было покрыто замысловатым кремовым кружевом, которое украшал узор из перьев, волосы скрыты под тонким материалом, а длинная вуаль с еще большим количеством жемчуга и перьев ниспадала на спину.

Последняя из фигур казалась самой шокирующей, ее лицо было полностью закрыто усыпанной черными жемчужинами маской. Гигантский лук из обсидиана и темно-синих перьев покоился на ее голове, в то время как стройная фигура с головы до ног была задрапирована прозрачной черной тканью, самые желанные части которой были скрыты за перьями цвета оникса, спиралью обвивающими ее фигуру.

Любой обнаженный кусочек кожи троицы украшали причудливые черно-белые завитушки, сохраняя в тайне истинный оттенок их кожи.

Они были похожи на замерзших птиц, сотканных из кошмаров и рая.

В то время как создания оставались совершенно неподвижными, те же три ассистента вышли вперед, чтобы отстегнуть руки высокой девушки и положить ей на руки элегантную скрипку. С девушки, завернутой в оранжевое, они сняли шелковые оковы, а для третьей расстегнули нижнюю часть ее покрытой жемчужинами маски, открыв полные губы, выкрашенные в черный цвет и контрастирующие с другими узорами, нарисованными вдоль ее подбородка. Глаза девушки оставались скрыты от посторонних глаз.

Сердце Дариуса подпрыгнуло. Никогда прежде он не видел такого искусства, такой темной красоты. Он был одновременно напуган и отчаянно ждал того, что должно было произойти дальше.

Медленно, словно легкий ветерок, поднимающий лепесток, девушка со скрипкой передвинула инструмент в нужное положение; обитатели комнаты сообща сделали вдох прямо перед тем, как она провела смычком по струнам.

Стоило навязчивой мелодии заструиться по телу Дариуса, как мир вокруг рухнул. Такая простая, всего один аккорд, но он просочился в его разум и поглотил все прочие мысли, заставляя думать лишь о тройке перед ним. Стиснув зубы, чтобы сдержать стон, Дариус беспомощно слушал, как девушка извлекла еще один аккорд, а затем еще один, пока от звуков, которые она создавала у него не начала кружиться голова. Изящные руки двигались так, словно не подчинялись законам гравитации, пальцы порхали над шеей ее ребенка.

Потому что именно так это создание держало инструмент, как будто это было ее самое драгоценное достояние, любовь всей ее жизни, и оно отвечало тем же.

Дариус хотел крикнуть волшебнице, попросить ее остановиться, умолять никогда не останавливаться, но, прежде чем успел произнести хоть слово, вторая женщина, завернутая в оранжевое, начала двигаться. Ее платье раскрылось, когда она попала в ритм, созданный

другой. Словно пребывая в трансе, она танцевала вокруг скрипачки, шлейф ее платья порхал, будто крылья, в то время как бедра, казалось, улавливали ноты и заставляли их кружиться. Ткань ее платья взлетела вверх, кружась и вращаясь вокруг девушки, истинное торнадо красоты и страсти.

Кожа Дариуса пылала при виде этого очарования чистой, пульсирующей энергии, и он был не единственным страждущим. Сначала всхлип раздался слева от него, затем справа. Он собирался проверить своих соседей, но остановился, когда третья исполнительница, все еще с покрытыми глазами, подала голос…

Силы моря Обаси.
Разрушения вечные.

Душу Дариуса словно вырвали из тела и разорвали на кусочки. Одной ноты, всего одной, было достаточно, чтобы уничтожить его. Его глаза, уши, нос, рот – все в нем было наполнено мелодией, которая лилась из самой души девушки, и как раз в тот момент, когда Дариус был уверен, что утонет в ней, певица разделила ноту на две, затем на три, как будто внутри у нее собралась целая дюжина голосов. Волшебница наполнила зал своей разрушительной гармонией, позволив ей взмыть и вылететь из отверстия в потолке.

Дариус превратился в крошечные сгустки энергии, которые жадно кружили, требуя, желая, ища пространство, где он мог бы слиться с этим голосом. У этой песни не было слов, но в ней говорилось о самых потаенных мечтах, страстных желаниях, рождении и смерти. Все трое ускорили темп, казалось, точно зная, что нужно каждой, чтобы перейти к следующей ноте, повороту и аккорду.

Ощущения были слишком интенсивными.

Происходящее поглощало Дариуса, засасывая его в некую дыру.

Они были сиренами на скалистом острове, окруженные бьющимися о берег волнами, которые бросали смельчакам вызов присоединиться к ним, и Дариус охотно согласился бы, но тут его глаза закатились. Последнее, что он помнил, – темная пещера, заполненная потоком прижимающихся тел и гедонистические танцы.

– Мальчик. – Жалящая пощечина коснулась щеки Дариуса. – Мальчик, открой глаза. Вот так. Теперь не закрывай их.

Возвращаясь к жизни, Дариус моргнул и обнаружил, что скрытый за тонкой материей видящий нависает над ним.

– Что случилось? – спросил он.

– Ты отключился.

– Отключился… – Во рту у Дариуса было сухо, как в пустыне. Он оглядел пространство, наблюдая за сценой, очень похожей на ту, которую видел, когда впервые вошел в эту пещеру с куполом. Вот только теперь он развалился, прислонившись спиной к скамье, на которую его усадили силой, ощущая, как пылает его кожа. Поморщившись, Дариус сел, глядя на содранную кожу на запястьях, оковы на ногах впились в кожаные брюки; должно быть, он неистово боролся со своими путами. Дыхание Дариуса участилось, но недостаточно быстро, чтобы облегчить жжение в легких, а комната все продолжала вращаться. Что случилось с музыкой? Куда пропало пение?

Боль потери наполнила грудь Дариуса.

Они были нужны ему. Он хотел услышать, увидеть, почувствовать все это снова, иначе его ждала смерть. Только тот голос, та музыка и покачивание тех бедер могли когда-либо излечить его от этого чувства. Дариус отчаянно нуждался в них, сходил по ним с ума. Ему нужно было…

– Выпей это.

К его губам поднесли чашку, и прохладная сладкая жидкость потекла по горлу.

С каждым глотком мышцы Дариуса расслаблялись, пока огонь внутри не потускнел до еле заметного мерцания, а в голове не прояснилось.

Облегченно вздохнув, Дариус заглянул в василькового цвета глаза женщины, которая говорила ранее с балкона. Теперь она присела перед ним на корточки с кубком в руке, и если издали он считал ее красивой, то вблизи она казалась невероятно роскошной. Кожа гладкая и блестящая, словно черный мрамор, острые скулы и белые зубы, которые, казалось, сияли, когда она улыбалась. Радужки ее глаз пульсировали, как будто в них были крошечные звездочки; Дариус мог бы поклясться, что она заглядывала прямо в душу, как будто могла видеть больше, чем просто маску на его лице.

– Кто ты? – услышал он свой вопрос.

– *Здесь нас называют Ачак*, – ответила она, когда ее голос стал ниже, а черты лица из женских превратились в мужские.

Дариус моргнул.

О боги, что было в этом напитке?

Теперь на него смотрело новое лицо, такое же темное и привлекательное, но с густой бородой, более широким носом и ртом, такие же фиолетовые глаза все еще вращались.

Он подмигнул Дариусу, прежде чем снова превратиться в женщину.

– Думаю, мне нехорошо, – пробормотал Дариус, наклоняясь вперед, раздраженный тем, что все еще был прикован.

– *Именно так мой брат и действует на людей*, – сказала Ачак, прежде чем нажать на наручники Дариуса, заставляя их раскрыться. – *Он всегда был уродливым.*

– Я бы отступил, милая, – заговорил видящий рядом с ними. – Он кажется немного бледным. Не хотелось бы, чтобы ты испачкала платье.

– С ним все будет в порядке, – сказала дама, успокаивая Дариуса и гладя его по колену. – Так ведь?

– Я… да, все хорошо. – Дариус сдвинул маску с лица ровно настолько, чтобы вытереть пот, стекающий по щекам. Ему хотелось разодрать эту проклятую штуку.

– *Думаю, тебе пора отвести нашего друга домой.* – Ачак обратилась к проводнику, встав во весь рост.

Домой.

– Нет, еще нет. – Дариус тоже встал, проверяя равновесие. Как бы ужасно он ни чувствовал себя минуту назад, он быстро приходил в себя. Его глаза сканировали пульсирующую пещеру, обходя существо за существом в надежде увидеть лишь одну. Хотя Мусаи были трио, он не мог противиться душе, расколовшейся и снова слившейся воедино, стоило ему услышать этот голос. На самом деле он бы никогда не приблизился к ней. Нет, ему просто нужно было убедиться, что она настоящая, живая, дополнение к великолепию, которым являлся Адилор.

– *Ты не найдешь сегодня то, что ищешь.*

Голос Ачак зазвучал в ухе Дариуса, и он вздрогнул, обнаружив, что древняя придвинулась ближе.

– Ты тоже видящая? – резким тоном спросил Дариус. Будут ли его мысли когда-нибудь снова принадлежать лишь ему самому?

– *Следуй за своим проводником домой, дитя мое*. – Ачак поставила чашку, которую держала в руках, на проплывающий мимо поднос. – *Отдохни. Ты многому научился и многое увидел сегодня вечером.*

– Возможно, я многому научился и многое увидел, – сказал Дариус, – но это совсем не то, зачем я пришел.

– *Ты уверен?* – спросила Ачак, ее черты снова изменились с женских на мужские. – *Ответы приходят во многих формах*, – сказал теперь уже брат грубым голосом. Он мягко,

почти с жалостью улыбнулся, прежде чем они с сестрой, как единое целое, растворились в хаотичной толпе.

Дариус нахмурился. «Да, – подумал он, – более чем уверен». Ибо, хотя эта поездка могла бы пролить свет на многое, он так и не нашел ответа, которого жаждал больше всего.

Как освободиться от гнета собственного отчима.

Глава 8

Ларкира сделала глубокий вдох, наслаждаясь свежим лесным воздухом, пока заходила в дверь портала. К дому Ачак вело множество дорог, но ни одна из них не была такой простой, как дорога через Яману. Достаточно найти правильный камень, перевернуть его – и вот он, портал. Ларкира всегда говорила, что он похож на алмаз. Ния утверждала, что камень больше похож на расплющенный квадрат, Арабесса же настаивала, что среди кучи серых им просто нужно найти тот, который выкрашен в белый цвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.